

Комбат Найтов

Родитель дубль “N”! Снято!

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика

Комбат Найтов

Родитель дубль «N»! Снято!

«Автор»

2023

Найтов К.

Родитель дубль «N»! Снято! / К. Найтов — «Автор»,
2023 — (Военная фантастика)

ISBN 978-5-6049969-3-5

В июле 1942-го Сталин решил отозвать с фронта ГГ, в том числе, из-за болезни Поликарпова, и поручил ему его конструкторское бюро, назначив директором двух крупнейших авиазаводов, выпускающих цельнометаллические истребители двух моделей. Затем, после двух проверок, поручил ему и прооперированному Поликарпову создать «дальний» бомбардировщик-ракетоносец. С помощью этой машины, Сталин пытался удержать «союзников» от перехода на сторону Германии. Но эффект получился обратный! Американцы и англичане заключили договор с Роммелем, попытались устранить Гитлера и Геринга, и в нарушение договоренностей в Тегеране-43, высадиться во Франции. Сценарий войны круто изменился и ядерная гонка открыто началась.

ISBN 978-5-6049969-3-5

© Найтов К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Новое задание	5
Глава 2. Вторая половина проблемы	13
Глава 3. «Учиться военному делу настоящим образом» В.И. Ленин	15
Глава 4. Москва и «москвичи»	19
Глава 5. «Скорость стука выше скорости звука» (из наблюдений)	21
Глава 6. Отправка матери – бабушки к месту постоянного проживания	25
Глава 7. Появление конкретной цели для «Х-ХМ»	29
Глава 8. «Запрещаю принимать непосредственное участие»	33
Глава 9. Тегеран-43, в составе делегации, на новой машине	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Комбат Найтов

Родитель дубль «N»! Снято

Глава 1. Новое задание

– Еще один вопрос, генерал: назовите причину, почему вы взялись за проектирование противокорабельной ракеты?

– Косвенные признаки говорят о том, что наши отношения с союзниками ухудшаются. А это – морские державы. Вероятно, что скоро задачей авиации СССР станет перекрытие Ленд-лиза военными методами.

Сталин долго и неотрывно смотрел в глаза Петру. Тот взгляда не отвел.

– Для нее нужен другой самолет. Подумайте вместе над этим. Финансирование мы выделим.

Два Главных конструктора тяжело вздохнули, «озадаченные» по самое «не хочу», но, кроме как ответить: «Есть», выхода у них не было.

Они вышли из Большого дворца Кремля. Небо ясное, звезды, лето, жаркое лето 1943 года.

– Николай Николаевич, Вам куда?

– Ну, вообще-то, домой, но топтать целый час не хочется, поеду на Чистые пруды. – Ветка «Охотный ряд – Чистые пруды» действовала круглосуточно, так как в шахтах станции «Чистые пруды» действовали отделы Генерального штаба и ПВО Москвы. В пятистах метрах от станции находился Наркомат Авиапрома, часть здания которого использовалось как гостиница для приезжающих в Москву специалистов авиазаводов.

– Я на машине, могу подбросить. А ваша-то где?

– Опять в ремонте! Вечно у Марка что-нибудь ломается!

– Да, похоже, что он «шабашит» где-то... – заметил Пётр, усаживаясь за руль «Доджа».

– Ну, а как ты это запретишь? Есть всем хочется, нормы опять подрезали.

– Самому сесть за руль, Николай Николаевич.

– Только не это! Имею печальный опыт. Я все время думаю не о том, о чем нужно думать за рулем. Так что, Петр Васильевич, это не мое! Что делать-то будем?

Петр тормознул у Боровицких ворот, без остановки здесь могли проезжать только «серые» машины. Оба предъявили постоянные пропуска и тронулись дальше. Только тогда Петр смог начать отвечать на вопрос Поликарпова:

– Вся беда в том, что показали мы промежуточный вариант компоновки «изделия». Совершенно очевидно, что ее придется серьезно дорабатывать. И сама ракета, и приборы управления по габаритам не лезут в обычный самолет. Может быть, имеет смысл использовать «летающее крыло»? В этом случае...

– Получим серьезнейшую головную боль с управлением. Ты еще «бесхвостку» предложи.

– Да, я, в принципе, так машину и вижу.

– Я, к сожалению, тоже.

– Ну, вот от этого и начнем плясать.

– Легко сказать! Исходных данных для расчетов маловато, придется много продумать, а у нас и так очень напряженные отношения с ЦАГИ. Чего он на тебя так взъелся? – «Он» – это начальник Центрального Аэрогидродинамического Института Шишкин.

– А я откуда знаю? Ваш же человек, у вас работал.

– Да я его толком и не помню, кажется был в отделе у Путилова, прочнист. Как только строим, что-нибудь, по его расчетам, так 110–120 % перевеса. Все, что помню.

– Ну, вот он и отдувается за старые грехи.

– Ты мне зубы не заговаривай, Петр Васильевич, делать что будем?

– Мне нужно две-три недели перекомпоновать и пересчитать исходные для «изделия».

– Две, попробуй уложиться в эти сроки, а я за это время подберу людей, с которыми будет проще решить эту задачу. Что у тебя с двигателями?

– На это можете не рассчитывать. Нет пока двигателей, способных развить такую тягу. Он же тяжелый получается, там тяга нужна, а у нас используется скорость истечения струи. Теоретическая возможность повысить тягу есть, но дело упирается в насосы. Топливо необходимо распылять навстречу потоку, а параметры скоростей и давлений там неизвестны. Методом проб и ошибок там не пролезть, необходимо защищать топливные трубки от перегрева. Требуется повышать давление в магистрали, а это – вес. Решения пока нет. Будем встраивать датчики, а это – время. Николай Николаевич, я – есть хочу. Вы как?

– Я – пас! Ни копейки в кармане, все сегодня в Новосибирск переправил Саше и Мирочке. Там цены на все просто невероятные! А Саша – болеет.

Я не стал говорить ему, что у меня несколько иные сведения об этих ценах, впрочем, как жить?

– Тогда едем прямо, вам, после операции, питаться следует регулярно.

– Ой, где ее взять эту регулярность.

Москва, конечно, был прифронтовой город, но из-под Ржева немцы ушли, и теперь стояли возле Смоленска. Дыхание войны здесь практически не ощущалось, разве что регулярные залпы орудийного салюта будили жителей столицы в 22.00. Но, только тех, кто спит, а не сидит в ресторанах. В связи с тем, что наиболее «состоятельные кроты» освобождались либо очень рано, с 18 до 20 часов, а, в основном, очень поздно: после 23 и значительно позднее, все «коммерческие» рестораны перешли на ночной образ жизни. Гуляли до пяти. «Основные» рестораны мы уже проехали, поэтому, не сворачивая на Беговую, где жил Николай Николаевич, поехали в «чернильницу», ресторан в Химкинском Речном вокзале. Это буквально в нескольких «шагах» от «моих» заводов, поэтому там меня знают, и выделяют нормальное место, чтобы «посидеть». Ибо публика там несколько специфичная, особенно ночами. Это по Ленинградскому шоссе, перед мостом через канал Волга-Москва налево, современники знают его под другим названием: канал имени Москвы. Пожилой дородный швейцар в фуражке, с золотым околышем, почтительно отдал честь. Судя по барским замашкам, он, до революции, был в Государственной Думе, как минимум. Впрочем, «вратари» во все времена всегда ценились, и на их место подбирали соответствующие типажи.

– Што ж не позвонили, Петр Васильевич? – в гардеробе (тогда его писали с буквой «п» в конце слова) появился главный метрдотель Иннокентий Иванович. – Товарищи генералы, придется подождать немножко. Пива? Коньячку? Салатик? Есть астраханская вобла!

Поликарпову, с его вырезанным желудком, только воблы и не хватало!

– Нарзанчик, пока этого будет достаточно.

Я присел за небольшой журнальный столик, а Николай Николаевич с интересом заглянул в главный зал, где, под не слишком яркими светильниками в виде ландышей (большая часть ламп не горела, а на окнах висела светомаскировка), отдыхала и веселилась «псевдо-военная Москва». Нет, были и фронтовики, несколько компаний офицеров с черными нашивками на рукаве, где золотом скрестились пушки. Части ПТО, «длинные стволы – короткая жизнь». Им доплачивали за каждый подбитый танк, тем, кто остался в живых. Видимо, обмывали какие-то награды. Между ними сидели «девушки», впрочем, может быть и невесты, но скорее всего – нет. Зал, в основном, был наполнен «хаки». Одна компания каких-то моряков. В то время все ходили в «хаки», только часть людей не носила погоны. В основном, это – местные воришки, «братва», по-нашему. У них, тоже, деньги водились. Большинство посетителей носили эмблему с серпом и молотом, со звездой. Эти появлялись здесь регулярно, но «долго

не засиживались». Они менялись с завидной регулярностью. Интенданты. Эти, перед судом военного трибунала, захаживали сюда часто, и исчезали, чтобы за этим же столиком вновь появился следующий интендант, может быть, из этой же части. Их «дирижеры» предпочитали оставаться в тени, а «зиц-председатели» ловили свой шанс. Были и летчики, у них зарплата чуть повыше, чем у остальных.

Нас проводили в отдельный кабинет минут через десять. В отличие от женатого Поликарпова, Петр довольно регулярно пользовался этим рестораном вечером. Днем питался в заводской столовой, а вечером вечно тащили куда-то на различные совещания или слушания. Плюс его обязали посещать лекции в Академии имени Ворошилова (академия Генштаба).

– Смутное место! Какой-то воровской притон! – отметил Поликарпов, и, в ожидании официанта, налил себе еще «Нарзана». – Никогда здесь не был, впрочем, был, сразу как построили, с Межлауком и Кагановичем, но это было так давно!

– Да не так, чтоб очень, Николай Николаевич! Тридцать седьмой? Тридцать восьмой?

– Тридцать седьмой, летом, почти сразу после смерти Серго. Но, как-то больше приезжать сюда не доводилось. Бывали на вокзале, с женой и дочерью, но все как-то бегом, от кассы до парохода. Но вообще, здесь стало уютнее, раньше зал был сильнее освещен, а так выглядит более камерно. Мы, с Сашенькой, были завсегдатаями во многих ресторанах Москвы, но в центральной части. Дела шли очень неплохо, поэтому предпочитали ужинать вне дома. А вы откуда, Петр Васильевич?

– Да сложно сказать, сын военного, так что, кочевал. Вырос в Средней Азии, школу заканчивал в Ленинграде, потом училище и война.

– Странно, мне казалось, что у вас очень хорошее академическое образование. Скорее всего, Шишкин поэтому Вас недолюбливает. Сквозило у него, что конструктор – это дар божий плюс образование.

– По-моему, я реально доказал, что написать докторскую я вполне могу. Кстати, она перечислена в приложении к диплому, хотя защиты, как таковой, не было. Скорее всего потому, что мне 23 года, а я – генерал-лейтенант и доктор. Многих это нервирует.

– Будут списывать на сложности военного времени и близость к «вождю». Меня, тоже, многие в этом обвиняли.

Когда принесли заказ, Николай Николаевич сделал незаметный знак правой рукой, видимо, перекрестился. Я читал его биографию, под редакцией Иванова, тот, видимо, из «бул-кохрустов», так что, по книге, Поликарпова давно пора причислять к лику святых русской Православной церкви, вместе с Николаем Кровавым, но реально никто на эти мелочи внимания не обращал. Ну, может быть, молодежь, вроде Петра, воспитанная в духе отрицательного отношения к представителям культа и людей его поддерживающих. Впрочем, отец к этому всегда относился безразлично. В войну, кстати, Сергей, с подачи Сталина, официально стал Патриархом, первым с 1721 года, когда Петр Первый решил более Патриархов не выбирать. Они, потом, появились, в 1917-м. Временное правительство искало себе союзников, и, при участии господина-товарища Керенского, в Москве 15-го (28) августа 1917 года прошел Поместный собор, которому Керенский «разрешил» создать Патриарха. Создать при Керенском не успели, спешно и тайно выбирали уже при земляке Керенского, Ульянове-Ленине. Выбрали человека, набравшего наименьшее количество голосов, Тихона, который, в первую очередь, предал анафеме ни эсэров или кадетов, учинивших Февральскую революцию, и даже не английскую Интеллидженс Сервис, чьей задумкой эта революция и была, а ни в чем не повинных, на 5-е ноября по старому стилю, большевиков. Прикольнo! Впрочем, кто платит за ужин, тот девушку и танцует! Так что, до сентября 1943 года церковь находилась в «непримиримой оппозиции к правительству». И лишь приход в 44-м году патриарха Алексия (первого) окончательно положил конец этому раздору. Почти окончательно. После того, как была объявлена «перестройка» и «гласность», в среде священников вновь возродился дух «Декларации 1927-го года». Деяния

Сергия и Алексия были подвергнуты критике, а в Википедии появились следующие высказывания: «На наш взгляд, позиция и действия митрополита Сергия имели для РПЦ достаточно тяжёлые последствия. Фактически, с молчаливого согласия митрополита Сергия в 1930-е гг., прошла наибольшая волна репрессий против священников и мирян РПЦ, а после убийства законного патриаршего местоблюстителя Петра (Полянского) митрополиту Сергию удалось впоследствии стать патриархом. Неоправданные уступки митрополита Сергия (Старгородского) атеистическому государству в конечном счёте нанесли урон православной религии и церкви в нашей стране». Вот такие вот у нас «историки»! «Сидели бы сейчас в Мюнхене и пили «Баварское»! Сдали бы Ленинград, и жертв бы не было!»

Но это я так, немного отвлекся от беседы между Петром и Поликарповым. Разговор у них шел вполне серьезный: задание получено, и его требуется выполнить, ибо никто ничего забывать просто не станет, а, как только придут какие-то деньги, то потребуются обоснование: на что и как они были потрачены. К тому же, данное задание, явно, направлено (было или будет) не только в их КБ. Да, Петр со своей ракетой может оказаться при делах в любом случае, а Поликарпову придется очень туго, ведь его КБ самолетами, более чем с двумя двигателями, никогда раньше не занималось. А машина требуется 4-хдвигательная, с возможностью летать на двух. Несмотря на не слишком подходящее для этого место, разговор свелся к обсуждению системы управления самого бомбардировщика, а не комплекса наведения. Петр в свою епархию обычно никого не пускал. Он прекрасно понимал, что понимает в этом немного больше, чем остальные, так как свободно пользовался моим багажом знаний, накопленных за 40 лет календарной службы, причем, в практической ее части. Но, шпионам можно было только посочувствовать, ибо понять, о чем идет речь было довольно сложно, а звукозаписывающая техника еще не достигла тех высот, когда вместо того, чтобы приподнять шляпу, при встрече на улице, из уха выдергивают «банан». Человечество еще до этого не дошло, но, с моей помощью, эти времена стремительно приближаются. А так, запомнить всю эту абракадабру с элевонами, флапперонами, интерцепторами и турбулизаторами мог только специалист равного с нами класса. Представить себе, что в соседнем кабинете ресторана сидит еще один начальник 18-го Главного управления НКВД СССР по реактивной технике, а именно эту должность занимал в то время Поликарпов, было просто невозможно. С «нас» он не «слез», в два счета доказал Петру, что без новых реактивных двигателей обеспечить такую мощность, дальность и скрытность будет невозможно. Плюс, буквально потребовал, чтобы Петр взял на себя систему управления двигателями, которая в то время была чрезвычайно запутанной, тяжеловесной и ненадежной. Чтобы пустить двигатель на первой модификации И-185, требовалось вручную из кабины поднять давление в топливной магистрали инжекторов. Для этого, с правой стороны стоял поршневым насос с краником: краник влево, ручку насоса вверх, краник вправо – насос вниз, и смотреть на отдельный индикатор манометра. И так до того момента, пока не поднимешь давление до нормы. Затем открываешь кран воздушного пуска, после первого проворота винта включаешь магнето, затем прерыватель и инерционный стартер-ускоритель. В случае неудачи – повторяешь все это с самого начала. А теперь представьте себе, что движок заглох в бою! Сможете вы его запустить по инструкции? После доработки от всего этого в кабине осталась кнопка подготовки к пуску и зеленая лампочка с кнопкой «пуск». 140 килограммов «лишнего» оборудования просто исчезло, как и поступление топлива непосредственно в кабину пилота. В машине, после окончания ужина, Николай Николаевич заметил, что, несмотря на служебные разговоры, он расслабился и отдохнул.

– Напрягают эти срочные вызовы в Кремль: никогда не можешь знать, что предстоит и за что ругать будут.

Это соответствовало действительности, секретариат Сталина никогда не упоминал будущей темы разговора, поэтому приходилось вспоминать обо всех поручениях, данных «Самим», так как вопрос мог быть поднят совершенно неожиданный. Пару раз и Петр попадал, как кур в

ошип, когда Иосиф Виссарионович поднимал вопросы, о которых говорил, как бы вскользь, но требовал по ним развернутый и полноценный ответ. С тем же домом в Шайкином переулке! Но ему докладывали обо всем, а Петр часть информации считал несущественной или незначительной, передавать которую он никому не стремился. Он был «фигурой» вполне самостоятельной, привык действовать так, как считал нужным, и не стремился заглядывать кому-то в рот, чтобы разрешили или запретили это сделать. Надо – значит «Надо»! Тем более, что чаще всего этого никто и никогда не делал. А иногда это запрещалось какой-нибудь инструкцией «одна тысяча девятьсот лохматого года».

Наступившее утро началось через два с половиной часа. «Домой» он не поехал, вернулся на завод и добрал немного в комнате отдыха, которую разрешили организовать во всех «директорских кабинетах». Все директора жили на заводах, в основном, при ВЧ, протянутом и к месту отдыха. Сталин работал ночами, и утро – было единственным временем, когда звонка из Кремля можно было не ждать. В 08.30 собрал совещание трех отделов, где объявил о принятом решении на создание стратегического ракетносца.

– Здравствуйте, товарищи. Позвольте сообщить вам результаты вчерашнего показа техники: наша «Ха-Ха» стала «Хи-Хи». В серию она не пошла. Разработка признана «опытной», так как в закрытый люк она поместиться не смогла. То есть, это не оружие, а заготовка к нему. Тем не менее, нас не ругали, модель будет представлена ко 2-й Государственной премии в ноябре, но поставлена задача произвести дальнейшую доработку с тем, чтобы перспективный бомбардировщик, к разработке которого нас подключили вместе с КБ Поликарпова, мог взять на борт четыре таких ракеты с той же дальностью. Предложено рассмотреть вариант расширения номенклатуры целей.

Зал зашумел, так как все прекрасно понимали, что стоит за этим предложением. И кто! В бюро отлично поняли: «по ком звонит колокол». У Третьего рейха надводных кораблей практически не было. Шмалять такими дорогостоящими «игрушками» по всплывшей ПЛ противника никто не станет. Чтобы успокоить товарищей-разработчиков, подкинул идею, что союзные обязательства требуют от нас подключиться к войне на Тихом океане, вкладывая в головы инженеров ответ на дурацкие вопросы подружек и знакомых. Ни для кого не секрет, что большинство членов семей прекрасно знало тематику разработок КБ. Но, так как Петр ходил в форме морского летчика, то обстоятельство, что КБ занимается морской проблематикой особых нареканий не вызывало.

Пробежались по проблемным направлениям, в первую очередь, по компоновке оперения. Так как крылышки нам, так и так, предстоит складывать, и флот пока не рвется принимать ракеты на вооружение кораблей, то мы с Петром сделали следующее предложение.

– Так как нам катастрофически не хватает внутреннего объема изделия, то есть предложение отказаться от круглого сечения ракеты. Она будет квадратной, со скруглениями. Внешний «диаметр» становится стороной квадрата. Это нам даст почти 15 % дополнительного объема внутреннего пространства. Плюс удобнее будет располагать наши «гармошки». Ведь засовывать в ствол ее не требуется. А бомболюки имеют прямоугольное сечение. Как идея?

Иван Петрович Толстых, двигателестроитель и компоновщик, не вставая с места, сказал:

– 15 % – это много, двумя руками «за!», но, какой дурак придумал стрелять по неконтактной цели?

– Имя этого человека широко известно в нашей стране. У меня пока нет готовой схемы: как и каким образом будет наводиться это изделие на точку с известными координатами. Проблема общая, которую необходимо решить. Все упирается в вычислитель и в датчики. Возможно, это будут светилы, возможно, что станции радионаведения, но расположенные в стороне от цели. Что точно известно, что цель подсветки давать не будет. Элементы такого наведения мы используем в инерциальной системе ракеты от пуска до начала работы ГСН.

Зацикливаться на этом пока не будем, но группу разработчиков придется выделить, потому, как задача поставлена.

Иван Петрович несколько стушевался, не того человека обозвал «дураком», но, фактически он прав! Задача далеко не тривиальная, решать ее придется, причем, в условиях отсутствия глобальной позиционной системы.

– Проблема, о которой говорил товарищ Толстых, реально существует. Скажу больше, но не для прессы, чтобы решить эту задачу требуется позиционная система, которой у нас нет. Что-то вроде «Лорана-С», но с большей дальностью.

– Вы намекаете на обратное полушарие? Мы же, вроде как, союзники?

– Союзники... Пока существует Гитлер. Как только его не станет, не дай бог в течение войны, так быстренько переквалифицируемся. Так что, готовиться надо заранее. А под шумок они затеяли перехватить у Англии первенство по военно-морскому флоту. Строящийся тоннаж просто огромен. И его придется топить. Поэтому основное направление для нас – противокорабельное, а вторую задачу нам поставили на перспективу: пощупать, потрогать за вымя и определить недостающие элементы. 2-й отдел, служба «Р»! Что с передачей в промышленность наших разработок? Долго еще будем все сами делать? Что говорит Шокин?

– Говорит, что до окончания войны у него нет возможности перейти на новую элементную базу.

– Понятно, спасибо! То-то он носа не кажет последнее время! Учтем! – Петр сделал себе пометку в блокноте, чтобы «надавить» на упирающегося наркома радиопромышленности. Все приходилось буквально продавливать, так как в планы это не было внесено, а финансирование находилось на строжайшем учете. Ему, благодаря тому, что он прошел «большую проверку», на экспериментальную деятельность финансы выделили, но не через Госплан, а через внебюджетный фонд. Для многих остальных это было принципиально невозможно. За малейшее нарушение финансовой дисциплины можно было получить высшую меру. Шла война, и грозить просто пальчиком никто не станет. Определив разработчикам срок исполнения предварительных расчетов, от которого все взвыли, Петр уехал на Беговую, где, как он рассчитывал, идет подобное совещание у Поликарпова, которого он застал стоящим у большой доски, на которой он показывал присутствующим контуры будущей машины. Петр приехал не один, с ним находились Николай Кузнецов, бывший зам главного конструктора Климова на Уфимском моторостроительном заводе, и неизменный товарищ Гудков. Я-то по специальности: «китаец», мне интереснее с крылатыми ракетами возиться, а у Петра страсть – это самолеты, поэтому, несколько наплевав на необходимость многое что переделывать у себя «в огороде», он кинулся на Беговую, где начиналось обсуждение нового «стратега», правда они пока так не называются. Перед этим он совещался с обоими своими конструкторами. Кое-какой толк от этого был! Я не преминул влезть и в эту епархию, дабы глупостей не натворили. Ведь почему я так настойчиво пробиваю дорожку к крылатым ракетам? Да все потому, что их достоинства оценили слишком поздно, и «забывали» о них с завидной регулярностью. Что у нас, что у американцев, первая ставка была сделана на единственную летавшую в то время ракету Брауна, которая, благодаря известной нечистоплотности и амбициям незабвенного С.П. Королева, надолго преградила путь более надежным и более точным крылатым ракетам. В «баллистику» были вбуханы миллиарды, с нулевым результатом, а перспективнейшее направление долго числилось в приживалках у всемогущего баллистического монстра. Фактически, уязвимость последних предопределена: их можно уничтожить в шахте, во время старта, на любом участке траектории, так как она просчитывается на раз! Ну, кроме квазибаллистических траекторий, до которых еще топать и топать! Поэтому важно уже сейчас застолбить за направлением «свою вежу», чтобы не допустить того страшного перекоса, когда под нож пускали самолетостроительные КБ, как «бесперспективные». Ведь будут кричать, что сбить крылатую гораздо проще, основываясь на «скороспелке» Fi-103, скорость которой была меньше, чем скорость перехватчиков

«Спитфайр». Ну, а о точности даже и говорить не приходилось. Так как сейчас есть распоряжение Сталина: рассмотреть вопрос о возможности атаки цели с известными координатами, этим надо пользоваться, тем более, что я знаю, что вслед за ним придут совсем другие люди, кругозора которых не хватит даже на то, чтобы оценить имеющееся. И советовать им будут люди с совершенно другим представлением о том: как это делается. Вот и приходится действовать на два фронта, подгоняя носители к еще не родившемуся «изделию».

Поэтому попросил слова, воспользовавшись возникшей небольшой паузой из-за нашего прихода. Николай Николаевич – человек вежливый, и, хотя у него, наверное, было и самому что сказать, показал мне, то есть Петру, рукой направление к доске, а сам присел на стул неподалеку.

– В первую очередь, хочу сразу познакомить всех с тем «изделием», вокруг которого будет строиться эта «железяка». Как танк – это повозка для орудия, так и самолет – это средство доставки авиационных боеприпасов к месту вероятного нахождения противника. А боеприпас у нас немаленький, длина у него – девять четыреста, злого умысла не было, так получилось. 9000 – само изделие, и 400 прибавляют стартовые ускорители. Такую длину имеет бомболюк «Ланкастера». Но вообще-то бомболюк требуется длиной более 12-ти тысяч, так как дальность у изделия пока недостаточная. Основными целями для «изделия» являются авианосцы и авианосные группы, которые имеют довольно «длинную руку». У японцев их «Зеро» имеет дальность почти 2000 километров, при соответствующем радиусе в 1000–1200 километров. А еще у одного вероятного противника тяжелые истребители имеют дальность 2880 километров. Но есть маленькое «но», весьма существенное: крейсерские скорости, при которых указанные самолеты имеют эту дальность, очень малы: от 275 до 350 километров в час. Высотность не превышает 11 000 метров. Нашей задачей является создание машины с высокой крейсерской скоростью и большей высотностью, чем у наших противников. Крейсерской скоростью у нее должна быть максимальная скорость у противника: 640–680 километров в час. Или выше, как получится. Мы тут у себя прикинули, что можно сделать, Николай Дмитриевич предлагает вариант поднятия тяги, достаточно интересный: винто-турбовентиляторный двигатель, трехвальный, с коэффициентом двухконтурности порядка 15–16. Если его немного изменить и задать стреловидность 30° лопастям, винтов и вентилятора, то может получиться вполне приличный движок. Будем пробовать. От форсажной камеры, о которой шла речь ночью, можно будет отказаться в этом случае, сделать – мы ее сделаем, но торопиться с этим не будем. Там расход топлива здорово повышается, а это для дальнего бомбера не слишком хорошо.

– А какой расход будет у вашего двигателя? – спросил у Кузнецова Поликарпов.

– По моим подсчетам, где-то 0,62–0,65 на килограмм-силы тяги в час. Петр Васильевич посчитал, что с его дополнениями можно довести до полукилограмма.

– Что-нибудь готово? Или только на бумаге?

– Газогенератор, двухвальный, прошел огневые, это тот самый двигатель, о котором и шла речь. Третью свободную турбину добавить сможем, это проще, чем городить форсаж, валы все полые. – ответил Петр.

– А как это будет выглядеть здесь? – Поликарпов показал рукой на нарисованный мелом на доске самолет. – Речь идет о винте, насколько я понимаю, а это увеличивает размеры.

– Я предлагаю полностью утопить двигатель в крыле, снизу заподлицо, а сверху оставить воздухозаборники, изогнуть их и расширить до размеров винта, это где-то 2500 миллиметров. Продуть требуется и прикинуть размеры воздухозаборника. А сопло сделать управляемым и плоским.

– Прогорит! – заявили все, почти хором.

– Ну, у Березняка же не прогорает, на Х-1м у нас стоит такое, к тому же активное, с изменяемым вектором тяги. А у него температура газов выше, чем у вентиляторного двигателя.

– А зачем такие сложности? Пусть будет круглым...

– Скорость истечения поднять.

– Ладно, все! Что тут обсуждать, когда готового решения пока нет! – отрезал Поликарпов. – Петр Васильевич! Форсажную камеру продолжайте делать, рассмотрим оба варианта, как вентиляторный, с форсажем, так и винтовентиляторный. Хотя, конечно, полкило на килограмм звучит заманчиво! Ой, как заманчиво! Но, как и договаривались, все управление двигателями берешь на себя!

– Добро-добро, я и не отказываюсь.

Совещание «скушало» почти восемь часов, без перерыва и перекуров, курили все на месте. Мне пришлось обратить внимание Петра на то обстоятельство, что Николай Николаевич ладонью поджал левый бок. Он, по молодости лет, на такие вещи еще свое внимание не распространяет. Поэтому Петр встал, похлопал по часам, и предложил обсуждение закончить и поужинать, так как обед они уже пропустили. Предложение было поддержано, перешли в столовую, где совещание продолжилось с новыми силами, но у нас времени на это уже не оставалось, требовалось ехать в центр и начинать катить бочку на Шокина. Прощаясь Поликарпов спросил у Петра:

– А может быть сделать верхнеплан по обычной схеме, а двигатели, которые предлагает Кузнецов подвесить под стреловидным крылом?

– А куда ракеты денем? 4 штуки? Будем втискивать их в узкий фюзеляж? И скорость надо дать, и инверсионный след куда-то девать. В классическом варианте только две или три ракеты и шасси огромное.

– Я понимаю, но пока очень сыро, и не понятно за что ухватиться.

– Посмотрим, пока не припекает, время на подумать есть. Модель строить я начал, а там и посмотрим.

Глава 2. Вторая половина проблемы

Петр позвонил Поскребышеву, но сегодня его принимать отказались, поэтому всю «свою» программу он изменил под моим давлением. Мне требовалось поднять дальность, а он тут профанацией занимается, нереализованный двигатель чуть ли не пятого поколения на свое «крылышко» приспособливает! Хотя, выбрал он достаточно верное направление и человечка подобрал подходящего, точнее, он сам к нему пришел. Может быть и не добровольно, кто его знает этот ЦИАМ, все двигателисты через него прошли. Меня интересует совсем другое направление, хотя, конечно, «с хорошим мотором и забор полетит»! Но для этого требуется найти в Москве человека, который согласится немного «похимичить». И «мы» направились в Институт горючих ископаемых. Там нас ожидал «облом»: институт эвакуирован в Казань и еще не возвращался. Внутри – госпиталь для старшего и начальствующего состава армии. Хорошо еще, что я обратил внимание, что не все кабинеты используются под палаты, часть из них опечатана, причем, печатью института. А следовательно... Хватаю проходящую нянечку за руку, показываю на опечатанную дверь и спрашиваю:

- А кто за этим следит, есть кто-нибудь здесь из Института?
- Завхоз, он и в институте был завхозом, и у нас им числится.
- Где он?
- Да в подвале, где ж ему еще быть?
- Как туда пройти?

Нам показали проход вниз, сразу под центральной лестницей. Петр прошел между тюками с постельным бельем и одеждой, немного промахнулся вначале, затем обнаружил незапертую дверь. Завхоз был «настоящий»! Хитроватый изучающий взгляд, скользкие ответы, но, три «звезды» на груди и две на каждом из погонов сделали свое дело:

– Сергей Сергеевич днями заходил, интересовался: когда госпиталь отсюда вывезут. Обещал в течении месяца урегулировать этот вопрос в ГосПлане. Он сейчас здесь и работает на Охотном Ряду, в Госплане.

– А как фамилия Сергей Сергеевича?

– Намёткин его фамилия, директор наш. Оченно уважаемый человек, академик. Обходительный, такой...

«Понял, не дурак!» Быстренько прощаемся с завхозом, и через пять минут оказываемся напротив Кремля. Фамилию эту Петр знал, и совсем недавно общался с этим человеком: он входил в ВАК и требовалась его подпись на ходатайстве, так что найти его в Госплане оказалось проще простого. Он председательствовал в Совете научно-технической экспертизы при Госплане. Петру даже улыбнулись, и мило поинтересовались: по какому вопросу.

– Что-нибудь не так с дипломом? Сейчас их быстро не выдают, товарищ генерал.

– Нет, спасибо, мне выдали его довольно быстро. Меня интересуют предельные алканы и возможность их получения для нужд моего «изделия». – и он предъявил свое удостоверение.

– Насколько я в курсе, у нас этим вопросом никто не занимается. Там достаточно сложные процессы синтеза. Что конкретно вас интересует?

– Разветвленные полициклические циклоалканы: бицилин или децилин. Первый предпочтительнее.

– Могу я поинтересоваться: зачем и в каком объеме?

– Можете, мне требуется более тяжелое и энергоемкое топливо, нежели белый керосин или уйат-спирит. Для моих двигателей.

– Бензин?

– Склонен к детонации, не годится. Двигатели непоршневые. Как вы могли видеть, я работаю в комитете № 2.

Академик тяжело вздохнул.

– Это официальное предложение?

– Считайте, что «да». Если требуются какие-то бумаги, то они будут вам предоставлены в любое время.

– Вы понимаете, о чем идет речь?

– С точки зрения химии процесса? Да, понимаю. Для их производства требуется вакуумный газойль, в нем достаточно много циклоалканов или нафтеновых углеводородов, а дальше жесткий гидрогенизационный процесс, с насыщением их водородом, в присутствии никель-молибденовых катализаторов. Их предварительно требуется поместить в какой-нибудь естественный фильтр, например, в кизельгур.

– Это кто-нибудь делает?

– Немцы.

– Это – точно?

– Это – точно.

– Ну, и на том спасибо! Когда это требуется?

– Вчера.

– Вы меня порадовали! Кто будет оплачивать?

– Заказчик – я, из внебюджетного фонда ГКО.

– Как много требуется?

– Много меньше, чем бензина для авиации, но заказ на 500 изделий я имею. Каждому из них требуется от 180 до 500 килограммов топлива.

– 250 тонн?

– Да, примерно. И предупредите людей, что оно очень текучее и ядовито.

– Лабораторно мы получали, примерно, такие вещества, но здесь требуется промышленный процесс. Следовательно, необходимо провести это через Госплан. Вы представляете стоимость этого топлива?

– Все необходимые для этого бумаги будут вам предоставлены. Вот мой позывной по ВЧ, а это – телеграфный. Территориально мы находимся в Химках. Стоимость я представляю, но это копейки по сравнению со стоимостью целей, по которым они будут работать. Плюс это горючее позволит не входить в зону действия авиации и ПВО противника. А, следовательно, мы не будем терять людей и машины, так что, само окупится.

– Я вас понял. У войны – страшная экономика.

Быстро этот процесс не проскочит, но заявка подана, так что результат рано или поздно будет. Немцы, действительно, первыми начали заниматься подобными топливами, так как подавляющее количество бензина они производили искусственно. Их «Водопад» летал, точнее, будет летать на подобной гадости. Мы же, даже имея в руках способы получения более энергоемких топлив, тянули с этим вопросом до тех пор, пока в Европе не начали разворачивать ракеты малой и средней дальности. Причина? Да ядовитое оно до жути, и уплотнения должны быть супер-надежными. А это – технологии и качество сборки, которое у нас хромало и хромает сейчас.

Глава 3. «Учиться военному делу настоящим образом» В.И. Ленин

Из Госплана, а движение по Москве было еще не таким запутанным, как позднее, мимо Генерального штаба, с Моховой выскочил на Волхонку, и прямо по ней до Кропоткинской, пересек Садовое кольцо, и по Зубовской до проезда Девичьего поля. Свернул на Новоконюшенный переулок, еще один поворот, и площадка перед бывшим Оперативным факультетом Академии имени Фрунзе в Долгом переулке. Это – с тыльной стороны самой академии. В наше время – это здание переделано в офицерское общежитие и в столовую для слушателей. А тогда здесь располагалась «святая святых» любой армии: Высшая военная академия имени К. Е. Ворошилова. Проход с Новоконюшенного переулка предназначался только для преподавателей. Слушатели попадали туда через другое КПП, к которому и подъехал Петр. Курс на разведывательном факультете, впрочем, как и на всех остальных, был урезан до 4-х месяцев, правда, для особо занятых товарищей, вроде него, обучавшихся без отрыва от основного места службы, этот срок несколько растягивался. Петр уже шестой месяц вынужден выделять время для этих поездок. Факультет он выбрал не совсем удачный, то, чем он хотел заниматься, не входило в программу обучения. Его интересовала инструментальная разведка, а программа была заточена под обучение будущих военных дипломатов – военных атташе. Но, ему удалось убедить генерал-полковника Кузнецова, что именно неумение применить и прочитать сведения, полученные инструментальным путем, привели РККА к поражениям первого года войны. Тот уцепился за это, так как был одним из основных виновников наших поражений. Он – бывший командующий Северо-Западного, Западного и Крымского фронтов 1941-го года. Сюда его «сослали» из-за профнепригодности. Несколько недель назад его заменил маршал Шапошников, при котором пропускать занятия стало много сложнее. Этот лично проверял наличие людей на всех факультетах. Петра выручало только то обстоятельство, что он находился на последнем этапе: писал дипломную работу. Тем не менее – не повезло! Попасть незаметно к профессору генерал-лейтенанту Шиловскому не удалось. Его в кабинете не было, он был закрыт. Петр принес свою работу, откорректированную, после очередного прочтения Евгением Александровичем, так сказать, окончательный вариант. А тут такой «облом»! Выйти из «закутка» он не успел, пока укладывал работу в папку и в портфель, в коридоре появились фигуры маршала Шапошникова и Шиловского. А Борис Михайлович помнил всех слушателей и их «проступки». Не обошлось без «втыка»!

– Голубчик! (это было любимое выражение маршала по отношению к провинившимся!) Я же Вас уже предупреждал, генерал, что пропускать занятия в Академии, тем более, на постоянной основе, практически, воинское преступление! Где изволили пропадать? Вас не было на занятиях трижды за последнюю неделю!

– Проводил контрольные стрельбы для Государственной комиссии по вооружению, и обеспечивал показ новой техники Верховному Главнокомандующему, товарищ маршал.

– Вот интересно! И у моряков, и у летчиков, четыре Академии! Ну почему они своих бездельников к нам сплавляют? Что вы об этом думаете, Евгений Александрович? Почему он здесь?

Шиловский некоторое время был сам И.О. начальника Академии, и сейчас числился вторым заместителем, поэтому был в курсе событий.

– Он – по спецнабору, но вступительные экзамены сдавал, и успешно, товарищ маршал. Направлен по рекомендациям товарищей Сталина и Буденного. Курс им пройден, готовится защищать дипломную работу. Мой дипломант.

– А кто его допустил до защиты? У него нет зачета по железнодорожной сети Южного направления! Тоже по спецнабору?

– Я ее сдавал, товарищ маршал, три недели назад генерал-полковнику Кузнецову. Вот зачет.

И Петр предъявил «зачетную книжку».

– А почему в ведомостях этого нет?

– Не могу знать, товарищ маршал! Генерал Кузнецов на следующий день отбыл на 2-й Прибалтийский.

– А почему не сдавали с группой?

– Находился в командировке, в Исландии.

– Товарищ маршал, Борис Михайлович, вы не могли бы выступить оппонентом к его работе? Петр Васильевич! Вы принесли её? – вмешался в разговор Шиловский.

– Так точно! Вот она.

– Взгляните, Борис Михайлович, что наши слушатели, с голубыми лампасами, предлагают. – Евгений Александрович быстро раскрыл пачку отпечатанных листов на том месте, в котором говорилось об обеспечении боезапасом, продовольствием и горюче-смазочными материалами соединений и частей фронта. Маршал достал из нагрудного кармана пенсне за тесемочку, повесил его на переносицу и углубился в чтение.

– Применялось? Где?

– Крымский фронт, товарищ маршал, с января сорок второго. Затем Южный и Юго-Западный для снабжения двух воздушных армий и двух смешанных авиадивизий резерва Ставки.

– А почему Генеральный штаб об этом ни сном, ни духом?

– Этого я не знаю, товарищ маршал, меня перебросили на другое направление, на Север, а затем перевели на работу в тылу, директором двух авиазаводов. Теперь тремя «командую».

– Там еще очень много про инструментальную разведку говорится, Борис Михайлович. Ну, а времени у него, действительно, мало. Но справляется, очень интересную работу написал. – сказал Евгений Александрович.

– Я выступлю вашим оппонентом. Готовьтесь отвечать на неудобные вопросы, генерал!

– Есть! Разрешите идти?

– Ступайте, голубчик, готовьтесь.

Отказырав и пройдя мимо начальства, Петр недовольно прошептал: «Да чего там готовиться? Заканчивай-не-заканчивай это заведение, а на фронт все равно не отпустят! Вцепились, как клещи!». Ему не нравилась эта работа, в первую очередь из-за того, что результат зависел от работы и настроения других людей. С той же «Х-Х»! Она вполне работоспособна, дешёвая и довольно точная. В серию не пошла, все, что на нее потратили, придется списывать на убытки. А сразу сделать «конфетку» невозможно! Тем более в такие сроки, которые назначает война. Но, ситуация чуточку изменилась, пока надобности держать за горло западных союзников нет, поэтому дали отбой. Через некоторое время, еще не успеем закончить работу с ее «наследством», последует команда: «Давай «Х-Х»! Срочно!» И будешь днествовать и ночевать на заводе, чтобы «дать» фронту то, что мог выпустить совершенно свободно еще летом. А на дворе будет поздняя осень или зима. На фронте все несколько проще: у противника настроение меняется реже, и его, при любых раскладах, требуется уничтожать. Здесь – мы, здесь – противник! Все ясно и понятно. А тут смежники, отсутствие финансов и возможностей, или нет бумажки, без которой ты – букашка!

Настроение было ни к черту! За каким хреном Шиловскому понадобилось привлекать бывшего начштаба ГШ к его работе, Петр не понимал. У нас из опалы не возвращаются! Получить под старость лет Академию, в ходе войны, это – ссылка, хоть и почетная. Петр крутил

баранку, направляясь к дому, где не был больше недели. Требовалось нагреть титан, помыться, сменить обмундирование, а уж потом пройти по цехам двух заводов. За их работу тоже стружку снимают регулярно, хотя последнее время заказы сократились, третья смена организовывается только для «лентяев и бракоделов», исправляются косяки, допущенные при серийной сборке.

Машину он оставил прямо возле дома на Скаковой. Обошел особняк, зайдя на задний двор, где прихватил несколько поленьев для титана. После этого поднялся наверх. «Удобства» находились на втором этаже и в мансарде. Первый этаж – парадный, второй и третий этажи – жилые. Из «детской» выскочила длинноногая, немного нескладная девица в халатике и черных чулках.

– Петенька приехал! А зачем ты дрова приволок? Все давно готово! Сейчас разожгу, ты ж с полигона!

Это Вера, его темноволосая сестра, худющая, до сих пор, хотя уже пять месяцев, как они приехали в Москву из Молотовской и Свердловской областей. Нине повезло больше, ее приютила большая и дружная семья в Верхнетуринске, а Верунчик приехала худющая, завшивленная, из Частнинского детского дома № 48, переболевшая и гепатитом, и тифом. Видя состояние сестры, и отчетливо понимая, что уделить много внимания девочкам ему просто не удастся, Петр втихомолку организовал перевод матери сначала в зенитный полк, охранявший завод, а затем добился ее увольнения в запас, тем более, что повод для этого был: грыжу мать «заработала», таская снаряды 85-мм. Теперь еще и инвалидность второй группы. Разругались они страшно, когда мать выяснила, кто и зачем организовал этот перевод, но, увидев Веру, она согласилась с тем, что ее направили на «комиссию», которая признала ее негодной к дальнейшей службе. Но бывшие добрые отношения с ней оказались несколько подорванными этим деянием. Вот и сейчас матери и Нины не было дома, она обивает пороги реэвакуационной комиссии, собираясь забрать дочерей в Ленинград. Сам Петр помогать ей в этом вопросе отказался: квартира здесь гораздо больше, чем две комнаты в коммуналке, и девочкам будет гораздо удобнее. Но матери «не нравилась Москва», и было понятно: почему. Рано или поздно НКВД задаст ей вопрос: почему она не прибыла к ним по объявлению мобилизации. И почему майор госбезопасности запаса проходила службу в частях ПВО на должностях младшего командного состава. С войны мать вернулась ожесточенная до предела, хлебнула и голода, и холода, и «дураков-командиров». После снятия блокады ее часть входила в состав войсковой ПВО 7-й армии, Карельский фронт. Второстепенный участок войны, со всеми проблемами снабжения по остаточному принципу. Они так и стояли на Свири в районе Свирицы на правом берегу, под Олонцом. Гиблое место! Уже после войны она несколько раз уезжала туда, искала тех бойцов, с которыми вместе служила, и которые остались в тех болотах. Возвращаться в «элиту» общества, как мать трижды Героя, общаться с «высшим командованием», после тех ошибок, которые они совершили, она категорически отказывалась. Она так и не смогла им простить того, что пришлось увидеть врага на окраинах Ленинграда, что полстраны лежит в развалинах. Разговаривать с ней на «военные темы» было невозможно, тем более, что многих из тех, кто командовал и командует сейчас, она лично знала.

– Про Ворошилова еще под Царицыным было известно, что он – полное ничтожество, как командир. И про Хрущева, да про многих, но именно эти люди везли во власть и творили, что хотели. В результате имеем то, что имеем.

– Мам, да ты успокойся! Былого не вернуть, а гляди, мы уже на территории Германии!

– Дурак! Я тебе про Фому, а ты мне – про Ерему! Готовить армию нужно было! А не льготы и звания себе выбивать! Слава богу, что отец твой не видел этого позора!

– Его и тебя очень хвалили Буденный и Сталин.

– А мне-то что от этого? Кто меня, тебя, Верку и Митьку в Оше бросил умирать? Дескать, дворяне, чуть ли не белогвардейцы. На работу никто не брал, по происхождению, видите-ли, не

подходим. Когда революцию приходилось защищать, то подходили, а когда война закончилась, то про происхождение вспомнили. Классовые враги! Врагами было то отребье, которое пришло к власти, погубив настоящих борцов за революцию. Ведь Гришка Соколов так до сих пор и служит!

– Служит, здесь, под Москвой. Видел недавно. На фронт его не пускают.

– Война кончится – героем станет! Москву оборонял! И Ленинград, где провалил всё!

– Все, мам! Закончили об этом! Меня на фронт тоже больше не пускают. И, может быть, после войны вспомнят, что я – не пролетарий. Все может быть, но это не повод, чтобы ничего не делать.

– Я не отсиживалась, Петя, я – дралась, на том участке, который мне выпал. Я – мать четверых детей, трое из которых живы. По закону имела полное право находиться в тылу, и даже по мобилизации мне никто повесток не присылал. Я пошла добровольно. Зря ты меня отозвал с батареи!

– Ты нужна здесь. Девочкам требуются твои знания и опыт. Только не нужно им говорить то, что ты говоришь сейчас мне. Они еще дети.

– Мы уедем, чтобы не навредить тебе.

– Мам, не надо об этом! Ты мне ничем навредить просто не можешь. Ты в курсе, что твой принцип шифрования используется теперь всеми ВВС?

– Нет.

– Начал я, еще в Финскую, теперь этим способом пользуются все. Так что, занимайся девочками. Это гораздо важнее, чем все остальное!

– Мы сидеть на твоей шее не будем! Вернусь в училище, буду опять преподавать.

– Они в Баку, в Питер еще не возвращались. А на твою пенсию можно только ноги протянуть, а вас – трое.

– Не надо об этом, проживем.

Она, как была упрямой и своенравной, так и осталась! Видя ее нескончаемые попытки уехать, уже я, не Петр, нашел ей место для работы. Мне ведь о себе тоже надо подумать! Я ведь могу не родиться! Все к этому и идет! Поэтому аккуратно и без давления, я сподвиг вначале Петра заняться ее трудоустройством, а через него и бабушку уехать во Фрунзе, преподавать криптографию, шифровальное дело, русский язык и литературу в Одесской военной авиационной школе пилотов. Почему? Ну, как сказать... В общем, мои родители там познакомились. А в 52-м, в отпуске после Кореи, в декабре, отец съездил за будущей моей матерью в какую-то глухую деревню под Пржевальском, где она работала по распределению после окончания университета. Она преподавала «великий и могучий» в киргизской школе, и должна была там проработать то ли три, то ли пять лет. При этом она сама киргизским не владела, а в селе на русском практически никто не говорил. В местном аулсовете они зарегистрировали брак, и он увез ее в Дальний, в Китай. Так что, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Память об этом случае мне вбивалась через зад: около года мне под него подкладывали очень толстый русско-киргизский словарь, который мама приобрела сразу после распределения. С его помощью я овладел гаммами и этюдами, сидя перед фоно, пока, наконец, не был приобретен стул на винте, с помощью которого можно было подстроить его высоту к моему росту за фортепиано.

Глава 4. Москва и «москвачи»

По большому счету бабушка была права! Глядячи на собравшуюся в Москве публику, я не имею в виду тех работяг, которые с раннего утра заполняли сначала метро и трамваи, а потом цеха заводов, а очень многочисленную диаспору различного рода чиновников и управленцев плюс к этому еще более многочисленный клан воинских начальников всех уровней, я иногда диву давался: насколько они похожи на «дворянство»! Каждый из них считал себя пупом земли, без которого и солнце не взойдет! А как они гордились близостью к «телу» или «органам»! Это надо было видеть! Те же самые билеты в многочисленные театры ежедневно раскупались. Причем, смотрели все подряд, выкупая абонементы. И не потому, что были без ума от музыки, оперы или оперетты. А просто потому, что это было «модно». В старые времена, да кто бы их пустил в ложу со своими фантиками и шуршащей шоколадной фольгой? Но все премьеры обязательно посещали члены ЦК, и с ними надо было раскланиваться, показывая, что ты, такой же как они, «любитель прекрасного» и «повышаешь свой культурный уровень». Они старательно пытались скопировать поведение тех людей, которые до этого были хозяевами жизни. Это как сейчас: вдруг все стали «экспертами» по всем вопросам, в том числе, военным. Всерьез и взахлеб обсуждают модели самолетов, танков, другого вооружения, на основании того, что написано у них в ТТХ. Да что хочу, то и пишу! Мое изделие! И чем круче напишу, тем сильнее напугаю противника.

Как Петр появился в Москве, так отовсюду посыпались пригласительные билеты, абонементы, делегации. Приглашали на торжества, премьеры, семинары, они тогда «слушаниями» назывались, торжественные заседания, пленумы. И очень обижались, что от большинства из них он отказывался.

– Ну Вы же первый трижды Герой в стране, вы должны показать пример, рассказать, как вы добились таких выдающихся результатов. Вдохновить воинов и трудящихся на новые подвиги.

И, в конце заседания или премьеры, обязательный фуршет или просто застолье, знакомство с прямой или просто симпатичной особой, нацелившейся на двойной оклад директора завода и отдельную, пусть и служебную, квартиру. Собственно, из-за этого Петр выбрал ресторан на окраине, неподалеку от мест обитания, чтобы его поменьше видели в тех местах, где вновь и вновь будут пытаться заставить его выйти на сцену и говорить никому ненужные слова, отвлекая его от своих мыслей, расчетов и дел. Больше всего третировали партийные чиновники и женщины от Мельпомены.

Петр ворчал, после каждого такого приглашения:

– Как добился, как добился? С трудом! Если им правду рассказать, то хрен поверят! За все приходилось платить нервами, приговорами и сроками. Чуть высунешься, так и норовят по башке чем-нибудь стукнуть! «Нарушил то, не доложил туда-то, не получил разрешения на...». Пытаются регулировать процесс и держать руку на пульсе, при этом, кроме как вставлять палки в колеса, сами ничего не умеют, бестолочи.

С женским полом в Москве тоже ничего не получалось. Его одногодки либо еще учились, либо были призваны в армию. А институты из Москвы были все эвакуированы. Чаще всего на него обращали «пристальное внимание» «слегка подержанные» дамы неопределенного возраста, которым требовалось обратить на себя внимание, что они еще в самом соку. Или войти в определенный круг. Этим они буквально отпихивали тех, кто, может быть, мог бы добиться гораздо большего. Но тут сказывалось то обстоятельство, что в МАИ практически не принимали девушек, а если такие и попадались, то это были либо чьи-либо «дочки», либо они быстро становились замужними дамами в чисто мужских коллективах. И быстро привыкали к повышенному вниманию со стороны мужчин. Плюс к этому высокая занятость мешала личной

жизни. Прокалываться, как это уже было несколько раз, Петр не хотел. Плюс, из-за занимаемых постов и имеющихся званий, настрой у всех женщин, с кем доводилось общаться, был слишком решительным и радикальным, а надевать дополнительный хомут он пока не рвался. Он был молод для этого. Я был в курсе того, что в 45-м он женился в первый раз на стрелкерицистке из соседнего штурмового полка. Но брак был коротким и печальным. В самом начале 46-го ее не стало, последствия ранений, полученных в мае 45-го. Вспоминать об этом отец не любил.

Ну и еще один момент, который помогал ему сохранять необходимую дистанцию: он не употреблял спиртное, вообще. За все время было два таких случая, один из которых закончился неприятностями. О втором он иногда вспоминал, и даже выяснял где и что делает та самая «нимфочка». Она оказалась замужней, и он поставил на этом эпизоде точку. Сам я за него в этом отношении не волновался, что будет, то и произойдет. От судьбы не уйдешь, как ни старайся.

Круг его интересов был окончательно сформирован, выходить за него или позволить кому-нибудь нарушить «спокойствие на его границах» он уже вряд ли кому-нибудь позволит. Несколько весьма удачных машин и большое количество изобретений, запущенных в серию в различных направлениях, обеспечили его достаточно раннее вхождение в элиту авиапрома. Так что, вряд ли его кому-нибудь удастся сместить с этой работы. Во всяком случае, пока жив Сталин. Весьма интенсивные телодвижения в этом направлении предпринимали и спецы из ЦАГИ, и чиновники из НКАП, да и часть военных принимало в этом участие. Но, я – калач тертый, и привыкший действовать в более сложной обстановке, когда дефицита инженерных кадров просто нет. Плюс, в отличие от них, я «знаю как» и что предпринимать, чтобы находиться на пике исследований и впереди всех. И не потому, что хочу урвать от жизни все, а для того, чтобы не допустить того, что происходило чуть позже со страной и населением. Уже сейчас заметны резкие сдвиги в ходе войны, значительное уменьшение потерь, в цейтноте уже находится Германия, а не Советский Союз. Инициатива перехвачена еще зимой 42-го, а летнее наступление немцев, кроме больших потерь, ничего им не дало. Возвести «Днепровский вал» они просто не успели, и теперь откатываются все дальше и дальше. Но, я слишком хорошо помню слова будущего Президента Соединенных Штатов: «Если мы увидим, что войну выигрывает Германия, нам следует помогать России, если будет выигрывать Россия, нам следует помогать Германии, и пусть они, как можно больше, убивают друг друга, хотя мне не хочется ни при каких условиях видеть Сталина или Гитлера в победителях. Ни один из них не держит обещанного слова». Именно для него мы готовим маленький сюрприз в виде кумулятивно-проникающей боеголовки, которая уже готова и ждет своего часа. И чем ее доставить – у нас тоже есть. Требуется только больше обезопасить тех людей, кто пойдет в атаку на линкоры и авианосцы. Задача сложная, но решаемая.

Глава 5. «Скорость стука выше скорости звука» (из наблюдений)

Вечером Петр встретился с группой Кузнецова, с которыми проработал пятиступенчатый компрессор, его уплотнители, три турбины высокого, среднего и низкого давления, и планетарно-дифференциальные редукторы для двух винтов и вентилятора двигателя. Постарались ужать до минимума внешний диаметр, но сохранили коэффициент двухконтурности 15.2. Удалось отыграть почти 98 мм диаметра.

– Делайте изменения в чертежах, и запускайте в производство модифицированный двигатель. Первую разработку не бросать, четырехступый тоже найдет себе нишу. Мест, куда можно его бросить, много!

Фактически мы делаем два двигателя по этой схеме. Первый из них более отработан, там изменения коснулись только турбинной части, и его быстрее можно будет показать Госкомиссии. Второй позволит реализовать ту задумку, которая оставит далеко позади все существующие на сегодняшний день истребители. С этим движком наше «летающее крыло» просто никто не достанет, ни по высотности, ни по скорости. «А там посмотрим: кто – кого!». Петр практически перестал бывать дома, как только начали сборку двигателей и планера. Модель продали в ЦАГИ, причем сумели добиться секретности продувки, улав нашего «общего друга» Шишкина в Новосибирск. Из директората ЦАГИ машину видел только Некрасов, наш научный руководитель. Продули сразу три модели, в том числе с работающими двигателями, с размахом крыльев в 16,8 метра. Получив «добро» от института по управляемости и прочности, сразу начали подготовку этого варианта к испытательным полетам. Сама машина резко уступала будущей по экономичности. Движки на ней стояли ракетные, короткоживущие, какие были. Их запас у нас имелся, а компоновка позволяла за смену их заменить. Ведь предстояло научить на них летать летчиков, которым «такая лошадь» могла просто не понравиться. Во-первых, это был первый советский воздушно-реактивный самолет, во-вторых, у него была весьма «странная» аэродинамика и совершенно иные органы управления, в-третьих, это была первая в мире машина, в управление которой был встроен компьютер и гироскоп. Сама схема имеет врожденные и неустраняемые недостатки: эти машины, все, неустойчивые в полете. Человек просто не успевает отреагировать на изменения, ну, я и приспособил устройства, которые помогают летчику держать машину по курсу и тангажу. Надобности следить за креном никакой нет, с этим и обычный человек хорошо справляется. Единственной проблемой были двигатели. Как я уже писал, они были малоресурсными. Для того, чтобы не расходовать ресурс, после первой серии испытаний, мы стали подвешивать к самолету стартовые ускорители, и только в этом случае могли обеспечить полную выработку бортового топлива. Все четыре двигателя работали на 35 % мощности. С такой нагрузкой они могли работать долго, но на ней взлететь было невозможно. Тем не менее, самолет совершил 20 обычных и 45 полетов с ускорителем. Было подготовлено пять человек, включая Петра, к полетам на будущем бомбардировщике. Сам самолет был полностью некомплектный: не было локатора, ставить его на машину с такими движками просто не стоило. На полной мощности он гарантированно мог пролететь только 400 километров, за двадцать минут. Это была летающая модель, а не предсерийный самолет. Но, как известно, скорость стука многократно превышает скорость звука. Сталину нас «заложили», хотя мы летали только со своего аэродрома Встречный, в Химках, и никаких заявок на испытания нигде не оформляли. Аэродром за городом, рядом с заводом. В общем, секретность, вроде как обеспечили, но не на 100 %. Последовал звонок Поскребышева, а мы со Сталиным встречались за это время один раз, когда Петр на Шокина давил. Начиналось все хорошо: вызывает «сам». Уже в Кремле выяснилось, что вызван не только Петр, но и Поликар-

пов. Они успели переброситься несколькими словами, ну, чтобы не было разногласий. Дескать, Николай Николаевич об этом ни сном, ни духом. Саму модель строили не у него, а на ракетном заводе № 500. Официальный полигон – Встречный. Туда модель доставили поездом.

Сталин к столу не пригласил, так что, разговор предстоял совсем не о том, как идут дела с совместным самолетом.

– Мы получили письмо начальника ЦАГИ Шишкина... – и дальше полилось такое откровенное вранье, что мы с Николаем Николаевичем от удивления начали переглядываться. Дескать, вышеупомянутый товарищ получил запрос Северо-Западного сектора ПВО Москвы, одновременно с этим такой же запрос получил Наркомат Авиапрома, что в секторе проводятся неустановленные полеты аппарата неизвестной конструкции, и так далее, и тому подобное. Когда Сталин выговорился и пригрозил нам обоим, что делом будет заниматься Наркомат Внутренних Дел, то Петр обратился к нему с вопросом:

– Тащ Сталин! Это же не письмо, это – закладная, в которой все перевернуто с ног на голову! Один из постов управления ПВО сектора находится у нас на СКП. Любые полеты в секторе разрешаются ими. Без этого ни одна машина взлететь просто не имеет права. Заявки, суточные, мы подаем ежедневно, и все полеты проходят только после получения такого разрешения. Ни ЦАГИ, ни НКАП, к процессу подачи заявок на испытания никакого отношения не имеют. Никто им никаких запросов не присылал. Им нужна информация о том, что происходит у нас на аэродроме. И у меня возникает резонный и законный вопрос: зачем Шишкину такая информация? Вот пусть с этим НКВД и разбирается: куда решил передать Шишкин эти сведения?

– Ну, он же пишет, что все летательные аппараты должны иметь разрешение ЦАГИ на допуск к полету.

– Такая бумага у нас есть, получена 18 августа, подписана руководителем лаборатории прочности Антоновым и замначальника Института Некрасовым. Вот она. Испытывается летающая модель будущего бомбардировщика, задание на строительство, которого, на средства внебюджетного фонда ГКО, было нами получено в июне месяце непосредственно от вас. Ведем отработку новых систем управления и подготавливаем летчиков, которым предстоит испытывать саму машину, на модели, изготовленной в масштабе 1:4, так называемом самолете-аналоге. Так дешевле, особенно, когда приходится строить довольно большую машину, еще и сложную, к тому же.

– То есть, у вас все готово?

– Нет, товарищ Сталин, машина будет готова не ранее января будущего года, если не выявим каких-нибудь неприятностей на моделях. – ответил Поликарпов.

– Так долго? Ви понимаете, что идет война, товарищ Поликарпов? Показывайте, что сделано, иначе мы отстраним вас от задания!!!

Он, видать, не с той ноги встал, и желает разрядиться на нас! Этого нам только и не хватало!

– Максимально готово у меня, в плане планера и систем управления, товарищ Сталин. Вот сама машина, это она в воздухе, это взлет с помощью ракетных ускорителей. А вот эта пачка – описание всех 65-ти полетов. Летных происшествий не было, программа полетов выполнена на 100 %.

– А почему не предъявляете на Госиспытания?

– Это же модель, а не самолет, товарищ Сталин. Экспериментальная машина.

– Какую скорость она показала?

– 1075 километров в час в горизонтальном полете на участке в 200 километров.

– Сколько? – спросил Сталин, и, после повтора мной установленной скорости, взорвался: – Ви понимаете, что это новый мировой рекорд?

– Отчетливо, товарищ Сталин. Мы уже говорили с вами на эту тему. Идет война, и речь не о рекорде. Речь о жизни наших летчиков. Они должны иметь возможность нанести удар и безопасно оторваться от противника. И никаких рекордов мы ставить не будем. Тем более, что двигателей для этой машины у нас нет, и в ближайшее время их не будет. Летает она на двигателях от крылатых ракет «Х-Х», не принятых в серию. Ресурс этих двигателей – 25 минут работы на полную мощность. Здесь полную не давали, чтобы не переходить за скорость звука.

Сталин, видимо, вспомнил тот разговор, который был у нас с ним в этом году. Сощурился, недовольно сжал губы.

– Что сделано у вас, товарищ Поликарпов.

Тот показал несколько эскизов, и стапель, где, кроме двух лонжеронов, еще ничего не было.

– Изготовлены и испытаны шестнадцать лонжеронов для 8-ми самолетов. Изготовлены моторамы и часть сопел. Из готового – пока все. Приступили, после окончания испытаний, к изготовлению органов управления и приборов. Общая компоновка закончена, ждали только окончания испытаний. Далее работы пойдут более интенсивно. Первый планер будет в январе месяце. Когда будут двигатели – мы не знаем.

– Кто их делает и где?

– Петр Васильевич, на заводе № 500. – Сталин перевел взгляд на Петра.

– Делаем, товарищ Сталин, но до окончания работ еще... Пока точных данных нет, работаем. А вот ракету, под эту машину, мы закончили. На следующей неделе начнутся бросковые испытания, заявка на которые уже подана.

Сталин был явно озадачен, и не знал ругаться ему или вызывать охрану. Петр достал фотографию готовой «Х-ХМ». Уже «заквадраченной», с новой укладкой плоскостей и рулей, и выдвижным воздухозаборником.

– Товарищ Сталин, сделали двух модификаций, на всякий случай, чтобы в «Ланкастеры» входила. Каждый из них сможет взять две ракеты. 400 километров дальности. И, теоретически, дальность можно удвоить, но, когда Институт горючих ископаемых выдаст заказанный объем топлива, у меня сведений нет. Пока ни килограмма не поступило. Прожигов тоже не делали.

– А как будете испытывать основной вариант?

– Подвешивать под брюхо, товарищ Сталин. Носителей для нее пока нет.

– Почему не докладывали о ходе работ? – «Ну надо же за что-нибудь отругать!»

– Мы не думали, что вас интересуют технические детали, самолет новый, эту схему у нас еще никто не применял, кроме Никитина и Черановского. У нее есть «врожденные» недостатки: рыскливость и чувствительность к изменению центровки. С подачи Петра Васильевича, применили вычислительное устройство, которое отвечает за эти параметры в полете. Испытания на модели этих недостатков не выявили. Самолет устойчив, как по направлению, так и по тангажу. А заявленную дальность и крейсерскую скорость может обеспечить только эта схема. В классическом варианте мы теряем почти 50 % по дальности или по тоннажу. Ну, сорок, если очень постараться. Классический вариант разработан, но к постройке не приступали.

– Почему, товарищ Поликарпов?

– Малые модели очень уверенно летали. Петр Васильевич показал самую большую из них. Были еще две, но беспилотные, радиоуправляемые. Там проблем с двигателями малой мощности не было, летали они здорово, и появилась уверенность в том, что все получится. Поэтому вопрос этот даже не поднимался. Продувку проходили все, так что больших «коз» не ожидается, если сами, что-нибудь, не напортачим. Уверенность в том, что планер и система управления будут работать – есть. Дело только за двигателями и системой их управления. Но это все разрабатывается у Петра Васильевича.

– Ну, тогда поговорим о двигателе. – выразил свое мнение Сталин.

– Как можно говорить о том, чего еще нет. Есть более или менее готовый, менее мощный и менее экономичный, но заданных параметров по дальности и грузоподъемности мы с ним не получим, максимум 12 000 километров. Как аварийный вариант мы его рассматриваем и готовим. Заканчиваем тепловые и параметрические расчеты, установим форсажную камеру и двигатель будет готов где-то через два-три месяца. К сроку готовности планера, минимум один вариант, двигателя будет готов к установке на самолет, чтобы не срывать испытаний. Как основной двигатель он не годится, но других просто нет.

Сталин усмехнулся. Он, видимо, ожидал другого ответа. Привык к тому, что все и вся, быстренько и без проблем, выскакивает из цехов, как чертик из бутылочки. Последнее время все занимаются только модернизацией имеющегося парка машин. Что-то новенькое появилось – быстренько прикрутили это дело к имеющемуся образцу, и доложили, что сделана новая машина. А здесь – принципиально новая, да еще и с рекордной дальностью. И таких машин еще никто не строил. Тоска! Зеленая!

– Чито можно сделать, если все пойдет по самому плахому варианту?

– Взять Брест.

– Мы же его уже взяли?

– До Бретани мы еще не дошли.

– Вот нахал! Но с него станется! Пошлю его брать! – пригрозил пальцем Иосиф Виссарионович. – А если более серьезно? Как военный!

– Необходимо увеличить скорость проведения операций на северном, приморском направлении. Здесь, кстати, могут пригодиться «Ланкастеры» с «Х-ХМ», так как наши доблестные адмиралы не спешат выбраться из Маркизовой Лужи.

– Там серьезная минная опасность и флот находится в удручающем состоянии. А германский флот активно применяется Гитлером в акватории Балтийского моря.

– Вот и сорвать поставки морем всего и вся. Решить эту задачу нам по силам.

– А что сделано по расширению номенклатуры целей?

– Приемоиндикаторы СПИ-Р изготовлены и установлены на новые ракеты. Так что палить по площадям уже возможность есть. Радиоконтрастные цели – как само-собой разумеющееся.

– Вы сказали, что на следующей неделе вы готовы приступить к испытаниям? Можете приступать! Впредь – ежемесячный доклад о ходе работ. Постарайтесь ускорить их проведение.

– Есть.

Сталин демонстративно вынул письмо Шишкина из папки и что-то черкнул на нем.

– Ступайте, работайте, товарищи Главные конструкторы.

Глава 6. Отправка матери – бабушки к месту постоянного проживания

Незадолго до этого разговора Петр проводил мать и сестер во Фрунзе. В реэвакуации в Ленинград матери отказали. Дом на набережной лейтенанта Шмидта находился в аварийном состоянии, и не был разминирован, в подвале дома лежал подарок от Гитлера и люфтваффе. Так что возвращаться было некуда. Училище имени Фрунзе, в котором работала мать, тоже не вернулось к месту дислокации, работы по специальности в городе не было. Но тут на первый завод прилетела целая делегация из Фрунзе, во главе с начальником школы майором Михаилом Кобяковым. Проблема была в чем: эта Одесская авиашкола 2-го формирования. Основной состав школы еще в 1939-м перебазировался в город Конотоп, школа была «именная»: имени Полины Осипенко, героя Советского Союза, участницы перелета Москва – Комсомольск-на-Амуре в составе женского экипажа. Вторая школа была организована на том же аэродроме и в том же здании, что и первая. Время было предвоенное, требовались летчики во вновь формируемые полки ВВС. Официально школа «принадлежала» Черноморскому флоту, но, сразу после начала войны, все учебные заведения авиации перестали делиться на сухопутные и морские. А тут ВМФ «вспомнил» о ее «морском прошлом», ну, а если серьезно, то вышел приказ об усилении подготовки летчиков морской авиации. Вот и вспомнили о ней. Да вот беда! На момент формирования летная часть имела на вооружении самолеты УТИ-1, И-5, УТИ-2, УТИ-4, УТ-2 и У-2. Во время эвакуации в Сталинграде из состава школы изымали все «боевые» самолеты и большую часть инструкторов в два вновь формируемых полка: 651-й и 652-й ИАПы. Всех курсантов второго года обучения выпустили досрочно. Во Фрунзе школа была обобранная до нитки. Плюс добирались туда почти полгода. Там ей передали УТ-2 из Алма-Аты, а боевых машин выделить не смогли, не было их. Весной 1942-го школа, наконец, получает самолеты, как учебные, так и боевые из Новосибирска: Як-7 и Як-7б. А в мае 1942-го «Яки» снимают с серии. А набор в школе – полный! 16-ть эскадрилий, более 400 человек только курсантов, которых обучают на самолеты, отсутствующие на вооружении. Прибывшей из Москвы комиссии от главного штаба ВМФ показали хорошо оборудованные классы (вывезли из Одессы), вусмерть залетанные У-2 и УТ-2 и то, что ни одного боевого самолета в училище нет, кроме «Як-7б». Комиссия доложила в ГШФ, Жаворонков позвонил Петру:

– Петр Васильевич, выручай! – было это еще в конце мая месяца. Пришлось, после согласования с руководством, закладывать целую серию ГС-5УТИ и организовывать дополнительную смену, так как надо было освободить одну из конвейерных линий. К сентябрю месяцу заказ флота был исполнен, но «папы», перегоночные авиаполки, в том направлении не работали. У военно-морского флота было два ПАПа, 64-й и 65-й ПАП ОН, и оба гоняли самолеты из Америки. В Средней Азии выпускались только Ли-2 в Ташкенте, так что училище обязали прислать людей в центр переучивания в Стаханово, и начинать перегон самолетов самостоятельно. Перегоночная дальность позволяла прямой перелет Москва-Фрунзе, но после Актюбинска там запасных аэродромов просто не было, до самого Джамбула. В первом выпуске был и начальник школы Миша Кобяков, с которым Петр был знаком еще по Ейску, по «переучке». Он у них И-16р осваивал, и был направлен служить в Одессу инструктором. Школой командует недавно, сменил «сухопутчика» полковника Холзакова на этом посту. С ним-то и состоялся разговор о том, что хотелось бы мать и сестер пристроить.

– Преподаватель такой нам нужен, до зарезу. Мы же уже три замечания получили, что курсанты кодами не владеют. Но есть проблема, причем серьезная: она – женщина, к тому же с детьми. А, с жильем очень туго, город небольшой: пять на пять километров. А там сейчас 38 предприятий находятся, и выпускают продукцию, причем, практически, все для фронта.

У меня жилого фонда еще нет. А население города выросло в два с лишним раза. До войны было 93 тысячи, сейчас 220 тысяч. Хотя, на Сталина (многострадальная центральная улица города, чаще других менявшая название) мы с пехотным училищем четыре дома строим, а пока поживет на Садовой (эти дома были построены для прапорщиков пехотного полка в 1864 году, располагались вдоль Садовой, но вход во двор был с улицы Казарменной, а весь квартал, обнесенный глинобитной стеной, в 50-е-60-е носил название: «Пентагон»), там комнаты большие, правда, кухонь нету, не для семейных строились, Волохины в той комнате живут, а они получили предписание во Владивосток, полк принимать там будет. Зам мой. Если разрешат, само-собой.

– Кто разрешить должен?

– Иванов, естественно, он нами командует.

Генерал-лейтенант Иванов, бывший начальник Качинского училища, был замкомандующего ВВС по учебным заведениям. Так как кандидатура, так или иначе, проходила через него, то я начал «двигать» Петра позвонить Владимиру Ивановичу и решить проблему. Двое суток я не давал возможности ему забыть об этом. На третьи сутки он заехал домой, предварительно позвонив туда, чтобы убедиться, что мать дома.

Та, в первую очередь, попыталась его покормить, но он сказал, что его достаточно хорошо кормят на заводе, и нет никакой надобности «объедать» остальных.

– Мам, я в курсе, что у тебя не получилось получить справку на эвакуацию, потому, что там сейчас нет жилья и работы. Вера рассказала. Кончается август, ей требуется продолжать учиться. Документы ты так никуда и не отдала, потому, что не хочешь оставаться в Москве. Тут есть вакантное место преподавателя в Одесской авиашколе, четко по твоему профилю, ее переводят на подготовку летного состава для авиации ВМФ. Скорее всего в ближайшее время школа вернется в Одессу. Может быть в этом году, а может быть, в следующем. Ходят слухи, что могут вернуть его на Балтику. Но пока она в Киргизии, во Фрунзе.

– Опять Киргизия? В этом что-то есть... – воспоминания об этой республике у нее достаточно тяжелые. В Оше она потеряла сначала мужа, потом работу, а затем младшего сына.

– Я в курсе того, что было, мам, но оставаться здесь ты не хочешь, вернуться в Ленинград можно только после того, как от него уберут финнов...

– Что от меня требуется?

– Заявление, и съездить представиться начальнику учебных заведений, здесь в Москве, на Пироговской, 23. И переоденься в морскую форму, с орденами.

– А что говорить, если спросят: где была?

– Правду. Мобилизации ты не подлежала, в эвакуацию не попала, так как была на строительстве Лужского рубежа, пошла добровольцем в ПВО, где служила до самого списания по состоянию здоровья. Документы возьми все, в том числе, по НКВД. Училище сейчас принимает у нас самолеты, на следующей неделе туда пойдет транспортный борт, это удобнее, чем ехать поездом.

– Откажут.

– Нет, иждивенцев на руках у тебя только двое. Начальник школы – мой бывший курсант, майор Кобяков, из ВВС ВМФ. Сейчас заедем к нему, а оттуда вместе поедем в Главный штаб.

– Через десять минут буду готова.

Сейчас, став относительно большим начальником, он прекрасно понимал ситуацию с увольнением матери из погранвойск НКВД. У нее родился третий ребенок, а муж, который был ее начальником, погиб. Дама, да еще и с тремя мал-мала-меньше детишками, старшему из которых 11 лет, а младший только родился, на должности начштаба целого округа как-то не очень сильно смотрелась. Плюс трения у них были с тем человеком, которого поставили командовать вместо мужа. Формальное право уволить ее он имел, что он и сделал. Вот только он ждал, что, помыкавшись, она сама придет к нему просить за себя, а она – не пришла. И

гордость не позволила, и не хотела она обращаться к этому человеку за помощью. К любому другому бы обратилась, а к нему нет. Она, не без основания, считала его виновным в смерти мужа, моего деда. Тогда она выкрутилась, с серьезной потерей: Митька не выжил, но выкрутилась. Отталкивать руку сына она не стала. Через 10 минут появилась в той форме, в которой я увидел ее в тепер уже далеком 1938-м году. Она изменилась с того времени: стала стройнее, ну это чтобы не говорить слово «худая», прибавилось морщин и седины. Прибавилось и орденов, и медалей на груди.

– Хорошо выглядишь! – сказал Петр, – Как в тот день, когда меня в училище провожала.

– Какая есть. Я – готова.

– Прощу! – Петр показал рукой на дверь.

Кобяков, который видел ее впервые, очень серьезно рассматривал ее награды и бумаги. Заявление он подписал, не задавая никаких вопросов. После этого позвонили в Главный штаб ВВС, Иванов был на месте. Это совсем рядом от Академии имени Фрунзе, в Хамовниках, на Пироговской улице. Им это здание передал Наркомстрой. Через сорок минут все втроем вошли в кабинет. Василия Ивановича Петр знал еще по Качинской школе, доводилось контактировать с ним еще до войны, когда РСИ-ЗМ «проталкивали» на вооружение. Известный лизоблюд, он получил эту должность, хотя я ни капли не сомневаюсь, что он – один из создателей того конвейера по подготовке кадров для ВВС, который действовал всю войну и принес в ней Победу, потому, что Качинское заканчивал Василий Сталин. И, если кто и «развратил» тогда еще юного Василия, так это он, и ему подобные. И звание генерал-лейтенанта он получил именно тогда. Выручало то обстоятельство, что звания у них сейчас были одинаковыми, и Иванов знал, что Петр – его бывший подчиненный, летчик-инструктор, командир звена, сделавший головокружительную карьеру. Иванов был сама любезность, но камень за пазухой держал, попытавшись сразу увязать быструю поставку большого количества УТИ с трудоустройством матери.

– Здесь вы ошибаетесь, Василий Иванович, просто, как бывший инструктор, я хорошо помню тот хлам, на котором приходилось летать в училище. Плюс ко всему, у нас упали планы по производству боевых машин, их требуется все меньше и меньше. А рабочих надо кормить! Это был выгодный заказ для двух заводов. Мама уволилась из армии совсем недавно, чуть больше месяца назад. Мечтала вернуться домой, но в доме лежит неразорвавшаяся бомба, и он признан аварийным. А майор Кобяков четыре дня назад пожаловался, что у него три комиссии определили, что новыми способами кодирования его курсанты не владеют. Перед Вами, Василий Иванович, разработчик этих методов. А в ВВС их внедрял я.

– Ах, вот оно что! Ну, в этом случае, я напротив вашей фамилии, Евгения Владимировна, галочку поставлю, и буду иметь в виду, кто сможет толково подготовить преподавательский состав по этому курсу!

После этого «выбить» у него комнату для семейства матери было проще простого. Девочки с восторгом узнали, что они впервые в жизни полетят самолетом. Что касается Нины, то она полет с многочисленными посадками перенесла отлично, а Вера после этого написала, что лучше бы она поехала поездом. Что она не понимает, зачем брат выбрал эту профессию. Справиться со своими внутренними органами при «болтанке» она не сумела. Больше самолетами не летала, лет двадцать.

Я, конечно, понимал, что делаю глупости. Матери сейчас всего 13 лет, и живет она отдельно от отца, директора завода имени Ленина, эвакуированного из Луганска во Фрунзе. Крупнейшее предприятие города, плюс у него еще три «спутника» развернуты на территории республики. Все строил дед. Место было удобное: большие месторождения свинца (и урана), меди, неподалеку. И азотный завод на той же ветке ж/д. Выпускали унитарные выстрелы для нужд РККА, всю номенклатуру от 7,62 до 85 мм. В конце войны начали «сотки» делать. Дед прибыл туда из шарашки, на заводе, где он работал главным инженером, в Омске, взрыв произошел «из-за нарушения норм безопасности». Упала женщина, переносившая гремучую ртуть

для капсулей. Сдетонировал склад с иницирующими ВВ. Так как он туда только приехал и писал о нарушениях, и в наркомат, и парторганы города и области, то расстрел ему заменили на 10 лет. Народу много погибло. Во Фрунзе он прибыл под конвоем в июле 1941-го, на должность главного инженера, через месяц стал директором, но без освобождения от конвоя. Зимой 1942-го его расконвоировали: завод выдал продукцию, а как только завод вышел на плановый выпуск боеприпасов, то сняли судимость и наградили ТКЗ (Трудовым Красным Знаменем). Мать, собственно, почему в селе оказалась: это в 52-м было, перед днем Победы, на завод приехал лектор от ЦК КПСС, который прочел рабочим лекцию о том, почему СССР победил Германию, и обязательно победит в новой холодной войне. Ну, работяги ему поаплодировали, а так как товарищ был из Москвы, то его к столу пригласили, где дед, не удержавшись, дал тому совет, что когда он выступает на оборонных предприятиях, то для лучшего эффекта, требуется упоминать заслуги «инженерного корпуса СССР», без усилий которого победа была бы невозможной. Некоторое право на это он имел: Сталинскую премию он получил вместе с академиком Кошкиным за создание роторно-конвейерной линии сборки унитарных боеприпасов. Благодаря ее внедрению, РККА не имела «патронного» и «снарядного» голода в ту войну. 15-ть таких линий работали во Фрунзе. Лектор полез в бутылку, доказывая, что его лекция утверждена в каком-то отделе ЦК партии. Тогда дед выложил из кармана три кружка латуни: большой, средний и совсем маленький.

– Вот, держи! Сделай из этого, непрерывным методом, патрон. Хотя бы один! Это – входящие заготовки. На выходе формируются пачки, их укладывают в цинки и запаивают, или закатывают в банки. В количестве миллионов штук. Не можешь? Тогда не звезды, а то твою лекцию смешно слушать. За Победу!

Через неделю его отстранили от руководства заводом и до марта 1953-го он находился под следствием. До суда дело не дошло, его освободили, увязав дело со смертью вождя. А он-то какое отношение к этому имел? Кто там у нас рукой водили в отделе пропаганды? Товарищи Суслов и Михайлов! Под общим управлением Хрущева. Так как «освобождение» прошло под «амнистией», то в Министерство сельскохозяйственного машиностроения, как теперь назывался Наркомат боеприпасов, дед не вернулся. (Стал директором физико-химической спецшколы № 25. Заканчивал он «Техноложку» в Ленинграде и стажировался в Германии на заводах «ИГ-фарбениндустри». Знаменитая фирма!) Хотя разрабатывал и изготовлял взрыватели для «слойки Сахарова», делал первую термоядерную бомбу. Поэтому мама, вместо ВТУЗА при заводе, от которого имела направление в университет, золотая медалистка, с красным дипломом, была распределена в аул в 80 километрах от Пржевальска, где проживала ее мать, «отказавшаяся» от мужа-«врага народа», еще в 38-м. Их туда вывез дед, Илья Николаевич, сразу, как освободился от конвоя. И сумел дать высшее образование обоим дочерям. Оно тогда бесплатным еще не было.

В любом случае, им там сытнее будет! «Ташкент – город хлебный»!

Глава 7. Появление конкретной цели для «Х-ХМ»

А на СССР накатывался голод. Европейская часть СССР с черноземными областями юга России и Украины выпали из севооборота на два года. Отличный урожай 1942-го сгорел и был затоптан на юге танками и пехотой. Урожай сорок первого страна полностью собрать не смогла, тоже много зерна было втоптанно в землю на корню. Больших площадей в Сибири, Казахстане и Средней Азии не было. В том же Фрунзе, чтобы увеличить посевные площади, с сорок первого года начали «народную стройку»: канал БЧК, Большой Чуйский канал. В истории 20-го века – это единственное гидротехническое сооружение такого масштаба, сооруженное без применения тяжелой техники. Вручную. Добиться включения его в бюджет страны и республики не удалось. Финансов на это не было ни там, ни тут. И тем не менее, канал построили, одними лопатами и кетменями-мотыгами. Плюс Красная Армия помогла: прислала большое количество бесплатной рабочей силы, военнопленных. Кроме канала, они построили и железнодорожную ветку от Канта до Рыбачьего через Боомское ущелье. Но, в 1943-м году канал до города еще не дошел, поэтому значительного прироста посевных площадей еще не произошло.

В других регионах так же предпринимались огромные усилия в этом направлении, поощрялось и приусадебное земледелие. Но, страна оказалась в полной зависимости от поставок продовольствия из стран Объединенных наций. Ленд-лиз обеспечивал как Действующую армию, так и часть населения, в основном, работающих на оборонных предприятиях. Для успешного сбора урожая осенью сорок третьего впервые были использованы воинские части, не задействованные непосредственно в боевых действиях. На все заводы, включая и авиационные, пришла разрядка: выделить не менее 25 % штатной численности, плюс автотехнику, для помощи селу. В приказе двумя отдельными строками были перечислены номерные КБ и комитеты, которые освобождались от этого. В этом списке мы обнаружили и «свой» номера. То есть, Верховный этим подчеркнул первоочередность нашей задачи. Так как изменения в «Х-ХМ» коснулись только корпуса и части системы наведения, то отстрелявшись двумя ракетами по радиоконтрастной цели, мы перешли к составлению таблиц поправок для стрельбы по «площадям». С помощью перестановок навигационных станций «Декка» и «Лоран-А» подбирались углы входа и высоты, при использовании которых будут достигнуты минимальные отклонения. Здесь следует отметить работу англичан в этом направлении. Имея «хорошие» отношения со Швецией, они добились создания над западной частью Балтики, северным и западным побережьем Германии устойчивых зон приема этих РНС. Судя по всему, они использовали для полетов какие-то новые приемо-индикаторы на своих бомбардировщиках, отличные от судовых, но никому не предоставляли карт с нанесенной сеткой разности. Эти карты у них числились в «secret-list», но ГРУ, каким-то образом, сумело добыть черно-белые снимки всего комплекта. Их расшифровали, пришлось туда самолетик сгонять с приемо-индикатором, чтобы разобраться с цветами гипербола. А американцы сами притащили под Полтаву свой «Лоран-С», там добыть карты удалось абсолютно легально. Но, если американцы и англичане использовали их только для обсерваций, то нам пришлось создавать «микро-Декку» и такой же «Лоран». Несмотря на мизерный объем памяти, я сумел втиснуть в вычислитель алгоритм корректировки курса по этим замерам. Толку от этого было не слишком много! СКО было огромным, а мощность не превышала 250 килограммов в тротиловом эквиваленте. Так что, эту эпопею мы прекратили впоследствии, когда убедились, что без подсветки стрелять абсолютно невозможно. Уровень инструментальных ошибок всех приборов управления не мог обеспечить необходимую точность. Но, поломать голову было интересно! Еще продолжая работу над этой проблемой, мы доложили Сталину, что готовы провести войсковые испытания ракет по кораблям и судам противника. Я считал, что это «обрадует старика»!

– Ми считаем, что проведенных испытаний пока достаточно. Нет никакой необходимости преждевременно демонстрировать возросшие ударные способности нашей морской авиации. Что сделано вами для расширения номенклатуры целей?

– Можем попасть в квадрат три на три километра гарантировано, без использования головки самонаведения. С ней – с вероятностью 45–65 %% попасть по слабоконтрастной цели, для высококонтрастных целей вероятность близка к 90 %. Большого выжать из системы не удалось.

– Мы же выполнили вашу просьбу добыть карты союзников! Пачему такая низкая точность?

– На последнем этапе требуется управление по телевизионному сигналу. – Я чуть не ляпнул «лазерному», но вовремя придержал язык. Их-то еще нет. – Товарищ Сталин, в те радионавигационные системы, которые используют союзники, заложены куда большие ошибки. То, что вдвое удалось сократить СКО, это очень хороший результат. В идеальных условиях, используя данную систему и «Лоран-С» можно получить 100 метров отклонения. Осколками уже зацепим. А так, площадь поражения у нашей ракеты мизерная. Она предназначена для уничтожения кораблей и радиоконтрастных целей. Там точность выше. И уклониться от этих ракет пока никто не может. Ну и плюс ко всему, эти цифры для дистанции в 800 – 1000 километров от точки пуска. Три и тысяча – вполне прилично.

– Оно, конечно, прилично, но совершенно недостаточно для конкретных целей!

– Я понимаю, товарищ Сталин, но что есть, то есть.

– Что с самолетом?

– Готовность планера ориентировочно к 1-му – 7-му декабря. Двигатели встанут на испытания где-то 20 – 25-го ноября.

– То есть, Поликарпов отстает?

– Нет, мы отстаем на сто часов. Но резерва по времени у нас больше нет.

– Сколько ракет будет готово к этому времени?

– Около 300. Но, товарищ Сталин, самолет-то еще не взлетел! Сколько будут идти испытания я не знаю.

– Мы, как всегда, опаздываем. Нам требуется, чтобы самолет полетел до начала декабря. Предстоит одна важная встреча, к этому времени мы должны быть готовы. Быть во всеоружии. Вы меня понимаете?

– С одной стороны: «да».

– А с другой?

– Торопливость нужна при ловле блох.

– Ставки слишком высоки. Есть сведения, что наши «союзники» предпринимают отдельные переговоры с немцами.

– К этому давно идет. Они не успевают развернуться к тому моменту, когда Германия окончательно будет ликвидирована, как военная сила, Советской Армией. А что за «конкретная цель»? Если у меня будет, хотя бы, три-четыре дня для подготовки, то найти способ для ее 100 % поражения не так уж и сложно. В Европе, по меньшей мере.

– Ну, по сведениям нашей разведки, в одной нейтральной стране...

– Мне координаты нужны, товарищ Сталин, чтобы всю нейтральную страну в пепел не превращать.

– Такой возможности у нас нет! Я – про превращение в пепел. – Сталин открыл ящик стола и разложил карту на столе. Это был план города Лозанна. – Вот здесь вот, в этом доме проживает господин Аллен Даллес, резидент управления стратегических служб США.

– Если это – конкретное место, то оно очень удобно, двух ракет хватит, чтобы там никого и ничего не осталось.

– Как сделать так, чтобы не пришлось оправдываться за содеянное?

– Собрать эти ракеты из немецких комплектующих, товарищ Сталин, и проследить за тем, чтобы сборка велась без общепринятых клейм и надписей. То есть, всю начинку снабдить немецкими маркерами. У меня есть место и специалисты, которые могут собрать эти изделия, не привлекая внимания остальных рабочих и инженерный состав завода: экспериментальная мастерская.

– Насколько нам известно, основные переговоры назначены на 28 ноября. В этот день там соберутся руководители заговора против Гитлера, британские и американские представители. Все подготовлено американцами, но подписывать будут англичане. В тот же день, в другом месте, будут встречаться лидеры трех стран. В случае удачи переговоров, нам объявят ультиматум: остановиться на достигнутых рубежах под угрозой блокирования Ленд-лиза. И не говорите мне, что без них справимся, генерал. У нас критически мало продовольствия, и его поставки сокращаются.

– Тащ Сталин. Нескромный вопрос: до июня протянем?

– До июля запасов продовольствия хватит.

– Есть возможность срочно заказать в Канаде зерно? С поставкой в этом месяце.

– Зачем?

– На семена.

– Вот мне интересно, генерал, вы что: семи пядей во лбу? У меня на столе лежит отчет нашей академии, что канадские сорта зерна в наших условиях дают более низкие урожаи, чем селекционированные у нас.

– Совершенно согласен с ними, товарищ Сталин, но если их высадить озимыми в Северном Казахстане и на прилегающих территориях, то в июне будем с хлебом. Широта одинаковая, а сорта Канады – засухоустойчивые.

– Там инфраструктуры нет! Там нет людей, транспорта, элеваторов и тракторов!

– Зато Омск выпускает танки, которых на фронте сейчас даже слишком много. А само зерно – бесплатное. Все остальное – вахтовым методом и с привлечением труда военнопленных.

– Это – авантюра!

– Согласен! А есть другой выход?

Сталин молчал минут десять. Затем предложил вернуться к обсуждаемой теме: Лозанне. Приказал немедленно заняться изготовлением ракет из немецких комплектующих.

– И подготовьте все, что необходимо для успешного выполнения задания. – сказал он в конце довольно длинного монолога.

– Есть!

– Мы обсудим на ЦК...

– Товарищ Сталин! Я – военный, и подхожу к этому с военной точки зрения. Точно знаю, что там иной способ обработки почвы из-за «пыльных бурь», которые случились через 10 лет после начала освоения этой территории. Пока отношения совсем не ухудшились, необходимо послать туда наших ученых и председателей колхозов. Все остальное, увы, не входит в мою компетенцию. В Академии изучал Канаду, как вероятного противника, извините. Заинтересовался освоением степной части Канады.

– Понятно, товарищ «академик», зачет-то получили?

– «Отлично», товарищ Сталин. Я и диплом уже получил, так что ваше приказание выполнено: Академию имени Ворошилова я окончил с отличием и золотой медалью.

– Поздравляю! Стране нужны люди, успешно прошедшие войну и способные учиться. О ходе исполнения поставленной задачи докладывать ежедневно в 21.30. Но, не забывайте об основной программе.

– Есть! Разрешите идти?

– К этой работе подключится второе управление НКГБ, надеюсь, что вы найдете с ними общий язык. Вам, лично, я запрещаю принимать непосредственное участие в операции. Будете сопровождать меня на встрече глав Правительств Объединенных наций. И никаких разговоров, что ваши подчиненные без вас не справятся. Сделайте так, чтобы справились! Идите!

Глава 8. «Запрещаю принимать непосредственное участие»

«Он не понимает, что делает! Он же вяжет меня по рукам и по ногам!» – подумал я, хотя в голове у Петра были совсем другие мысли. Ну, как же! «Вождь» приблизил его к решению государственных задач. По Канаде, он действительно писал реферат, и, действительно, долго и нудно собирал данные в библиотеке по экономике этой страны, ища способ максимально «отравить» желание сопротивляться у противника. Именно хорошо организованное сельское хозяйство давало шанс канадцам получить, даже не по Ленд-лизу, а закупить большое количество вооружений, но, не спасало от вероятного голода северные, восточные и частично западные регионы страны. Там не было железнодорожных путей с направлением восток-запад, все пути уходили на юг. Так что, даже если кто поинтересуется, то такой реферат был. А вот как сделать так, чтобы не промахнуться, стреляя с довольно большого расстояния, и не раскрыть при этом самого себя? Этого он, скорее всего, не слишком понимает. Требуется солидная подготовка для таких пусков!

Само собой, пришлось взять все в свои руки. В первую очередь, испытания были перенесены на юг. Задействовано 6 самолетов ДРЛО и составлен радиолокационный «портрет» местности. Мы использовали самолеты «РВ4У-1R» 392-го ОСДРАП ВМФ, с дальностью 5000 километров, из Николаевского авиаузла. В районе Женевского озера Швейцария «границила» не с Францией, как нарисовано на всех картах, а с Италией. Эти районы находились под итальянской оккупацией до 3-го сентября 1943 года, затем их сменили немцы, так как произошел известный переворот, и было подписано перемирие с Великобританией, США и СССР. Но мы успели выполнить шесть полетов туда в то время, когда по американским машинам там никто не стрелял. Экипажи использовали автоответчики, сделанные по образцу и подобию американских, снятых с подбитого «В-24» в Исландии. Мы наложили радиолокационную картинку на карту и смогли обозначить точку, которая нас интересовала. Расстояние, на которое можно было подойти – 6 километров, практически в упор, так что, никаких особых сложностей не возникало, о чем Петр и доложил Сталину. В ответ последовало то приказание, «о котором все время говорили большевики»! Увеличить до максимума производство как самолетов ГС-5, так и ракет обоих типов, разместив дополнительно заказ на еще трех заводах. Так как мы с Петром догадывались, что так и произойдет, то подготовили все для срочной передачи документации в Куйбышев и Саратов. Для производства двигателей нам передали половину Рыбинского завода. Вот только где столько жаропрочных сталей взять? Кое-какой запасец имелся, но это был «мизер».

Товарищи из 2-го Управления помочь мало чем могли: доступа на объект они не имели, и даже установить отражатели они не могли, или не хотели, кто их знает. Мы не имели данных: кто там работает, и из каких источников поступает эта информация. Наши говорили, что проявлять излишнее внимание к объекту нельзя, иначе противник сменит дислокацию. В этом отношении они действовали верно.

– Ну, сигнал о том, что все в сборе они дать сумеют?

– Мы сейчас отрабатываем этот вариант. – сказал начальник Второго управления, который так и не представился, старший майор по званию. Я его где-то видел на фотографиях, но кто это такой – не помнил. Да и вспоминать не хотел. Беда состояла в том, что решить задачу «Либереиторами» было невозможно: скорость у них маленькая и дальность не позволяла долго болтаться в воздухе. Крейсерская скорость его была всего 295 километров в час. Чтобы «добраться» до места ему требовалось 7 часов полета. Ни одна «тайная вечеря» так долго не длится! Ближайший аэродром, занятый союзниками, находился в 1175 километрах

от Лозанны. Да и никто не даст нам им воспользоваться. Это будет слишком очевидно для всех. Сложить два и два смогут даже туповатые американцы. Так что, ничего не оставалось, кроме как форсировать до предела строительство нового самолета и двигателей для него. Ведь реально помешать немцам слиться в экстазе с американцами другим образом, мы не могли. Одно хорошо, англичане увязли в боях под Салерно, и не смогли прийти на помощь американцам, которых солидно потрепали немцы, несмотря на подавляющее превосходство в воздухе. Хотя союзники работали по глубоким тылам, где фактически и войск Вермахта не было. В общем, «партнеры по переговорам» пока выясняют отношения, делят первую скрипку. Хотя известно, что задействованы Вольф и Роммель. В бой пошла «кавалерия Джорджа Вашингтона». Они так Саддама завалили потом. У них это – основной маневр.

Первого ноября десять винто-турбовинтовых двигателей встало на огневые. 7-го ноября один из них благополучно сгорел, воспламенившись в районе подшипникового узла турбины низкого давления. Пришлось останавливать все и разбираться с этим узлом. Тут на заводе появляется Николай Николаевич, которому Петр сообщил о происшествии.

– Да понял я тебя, Петр, понял! Ты вот что, замени подшипники на восьми двигателях, и подавай их на сборку. 156 часов во взлетном режиме они отработали, без потери мощности. Норматив НКАП – 100 часов, с 10 % потерей. Как ты там говорил: идет война, и нам не до рекордов. Давай акт испытаний, я его подпишу. Начальник управления – я.

Отправили ему восемь двигателей, хотя на душе было очень беспокойно, пока слесари не нашли стружку в масляной магистрали сгоревшего двигателя. Запустили новые испытания. А десятого ноября первую машину вытащили из цеха на Центральный аэродром. А это же «проходной двор»! Плюс полоса короткая. Сделали две пробежки. Полковник Жданов, назначенный ведущим испытателем, за день до этого попал в госпиталь, умудрился столкнуться с грузовиком на своей машине. Поэтому Петр, проверив работу двигателей и сделав две пробежки, оторвал машину от земли, и через 17 минут приземлил ее в Чкаловском. В 02.12.10.11.43 года он доложил об этом Сталину. Тот был «уже в курсе». Кто-то успел доложить быстрее. С раннего утра пришлось отбивать буквально атаку деятелей НКАП и ЦАГИ, но в первый ангар их не пустили. В 11.30 приехал «Сам», и испытания перенесли в Крым во Фрайлебен. Американцы там бетон настелили, в данный момент все села в округе стоят пустыми, немцы постарались и ликвидировали остаток населения, которое пометили шестиконечной звездой. Да и погода лучше, чем в Москве в это время. Вторая машина, вместо того, чтобы уйти в ЦАГИ «на слом», прилетела туда через сутки. На перелете, а это 2000 километров, машина вела себя прекрасно. Без нагрузки ей хватило 900 метровой полосы на Центральном, чтобы, без подрыва, набрать взлетную скорость. Оторвалась легко и плавно. Тех, кто не летал на моделях, тем казалось, что машина слегка «подтормаживает»: реагирует на изменение положения ручки с опозданием. Да, вот такой вот у нее постоянно действующий автопилот. Немного необычно, особенно для тех, кто летает на истребителях. Но это – ракетносец. Впрочем, бомбовые кассеты, с горизонтальной загрузкой, он тоже брать может. Всю номенклатуру до 5-титонных, включительно. Этих – четыре штуки, двадцать тонн. Это, кстати, самое неудобное для него оружие. Вряд ли он сможет бросать их по одной с малым запасом топлива. Система, пневматическая, на азоте, позволяющая быстро перекачать вытеснительным методом топливо для баллаستировки есть, но как себя поведет самолет в это время было неизвестно. Все это требовалось отработать до того, как он пойдет в серию. Впрочем, деньги выделены сразу на 19 машин: две девятки и для испытаний на прочность. Прицелы на первых машинах стоят американские N-9 с блоком «Р» – «Рубидий, то есть со связью с радиолокатором. Штатно будут стоять ОПБ-11Р и «Рубидий». Первые машины имели одну кормовую оборонительную установку. Но Поликарпов предусмотрел их семь, штатно будет три верхних и три нижних стрелка, всего 14 пушек Б-23. Планируем перейти на централизованное управление огнем, но ничего пока не готово.

Испытания шли успешно, в первую очередь отрабатывалась та задача, ради исполнения которой нас так подгоняли. Через неделю, в среду 17-го ноября, ушли в «автономку» на 14 часов полетного времени. Из Фрайлебена до Каннов, там пять кругов по 2200 км над морем, и домой, с четырьмя ракетами в бомболюке. Топливо позволяло выполнить еще четыре круга, но днем машину решили не показывать никому. Глаз там много! Дистанция до цели 340 километров при приближении к береговой линии, но наличие высоких гор не дает возможности «увидеть» серпик озера на локаторе, требуется подходить ближе, при этом снижать скорость и уменьшать шумность. Впрочем, при высотных полетах, шум до земли практически не доходит. Петр, несмотря на приказание Сталина, сам провел рекогносцировку и убедился, что машина вполне может безопасно подойти на «пистолетную» дистанцию и может долго барражировать над морем в ожидании команды с Земли. Двадцатого ноября обе машины поставили на перемоторивание. Первая, не самая сложная часть программы испытаний была выполнена. А на боевое задание лучше идти на «свежих движках», хотя их вторая партия на стендах крутит роторами уже полных 14 суток на полном режиме. Замечаний пока нет. Стрельбы ракетами выполнены, при сбросе ракеты самолет ведет себя... ну, так скажем, не совсем устойчиво. Пытаемся найти режим, уменьшающий возникающую раскачку. Я с ужасом думаю о предстоящих испытаниях на отказы! Решили их начать после исполнения задания. 25-го во Фрайлебене утром села третья машина, пришедшая в сопровождении двух звеньев ГС-5, о которой мы даже и не договаривались, затем неожиданно появился Сталин, да еще и не один! С ним Берия, Ворошилов и Молотов. Приехали на машинах от Весёлого, там полковая станция выгрузки. Более чем неожиданный визит, а главное: вовремя как! И связи с утра нет, хоть убейся! Кто и зачем прислал третью машину – непонятно. Позднее стало известно, что связь выключили по прямым указаниям Сталина и Берии. Вместе с Берией – тот самый начальник 2-го Управления. Здесь я и услышал его фамилию: Судоплатов. А я-то все никак не мог вспомнить её! Это стало известно, когда Сталин отозвал нас в сторонку и, вместе с Берией, начал выяснять: как и что.

– Две машины подготовлены, обоим заменили двигатели и облетали. Подготовлено восемь ракет, даже корпуса изготовлены из вторичного алюминия германского производства. Пришлось отменить противозенитный маневр в программах, металл менее прочный, чем мы используем. Расчетное время прибытия в точку залпа: 2 часа 32 минуты, плюс время на запуск, рулежку и тому подобное. Это если сигнал поступит неожиданно. Запланировано, что 27-го и 28-го все темное время суток одна из машин будет находиться над акваторией Средиземного моря. Это позволит сократить подлетное время до одного часа, максимум.

– Время встречи нами установлено: 27 ноября в 22.00, но туда должны подойти три группы переговорщиков, одновременно это не произойдет. Район взят под наблюдение, условную фразу передадут на волне Лозаннского радио. Радиостанция достаточно мощная. Вот условные фразы: эта – на атаку, эта – на отбой. Отбой пойдет только в том случае, если встреча отменена или сорвалась. Немцы прибдут через озеро вот с этого причала. Катер для них уже подошел, стоит у причала вторые сутки. – доложил Судоплатов.

– А что, сразу-то, не сказали? Нам катер топить удобнее, и у них переход займет где-то около получаса – часа, если это не глиссер какой-нибудь.

– Товарищ Судоплатов! Предусмотрите подачу сигнала сразу, как немцы сядут на катер. В этом случае мы будем атаковать законную военную цель, и не будем бить по территории нейтрального государства. Предусмотрите два сигнала для атаки: в первом случае – катер, во втором – усадьба. – подал голос Сталин.

– А если катеров будет несколько? – задал вопрос Петр. Сталин на несколько секунд задумался.

– Нас интересует только катер, идущий к месту встречи. Если будет несколько катеров, идущих к этому месту, то топить всех. Принимайте командование, товарищ Судоплатов. Кто у вас заместитель, генерал? – спросил он у Петра.

– Полковник Жданов.

– Передайте ему, что он поступает в распоряжение товарища Судоплатова. На этом все, товарищ старший майор, Вы свободны. Работайте.

Продолжил он тогда, когда Судоплатов удалился.

– Где товарищ Поликарпов? Почему его не видно?

– Он в Саках, в грязелечебнице, товарищ Сталин. Будет к десяти часам, у нас вылет назначен на 11 часов.

– Принято решение показать самолет в Тегеране, Лондоне и в Соединенных Штатах, в воздухе и на земле, с тем, чтобы у англичан и американцев не возникло ощущения, что их действия останутся безнаказанными. Замеры расхода топлива Вами произведены? Какую дальность может показать этот самолет?

– 18–20 тысяч километров в зависимости от нагрузки. Но, мне бы не хотелось...

– Что Вам хочется – никакого значения не имеет, генерал. Не волнуйтесь, ракеты мы им не покажем. А вот полную загрузку бомб необходимо сфотографировать. И мы, втроем, нет, вчетвером, охотно попозировем рядом с этим «монстром».

– Бомбы мы еще не бросали...

– Идеальным вариантом было бы то обстоятельство, если бы их и бросать не пришлось. Дайте команду подвести к машине полную загрузку, точнее, все пять вариантов ее загрузки. Разделите их белыми лентами. От самых тяжелых до самых мелких. Видели, наверное, как бомбардировщики показывают на выставках. А затем грузите тридцать тонн самых мелких, для фотографии. И подходите на СКП, а то мы уже продрогли.

Их компания двинулась греться, ну, а Петр попал туда только через полчаса. Я все это время злобно матерился, хотя и понимал, что у Сталина больше не осталось козырей. Встреча немцев и англо-американцев пройдет до встречи глав Правительств, если мы ее сорвем и вывалим на всеобщее обозрение сверхдальний реактивный бомбер, к тому же с грузоподъемностью большей, чем вес «толстяка» или «малыша», и со скоростью, которую дать даже истребители не могут, это будет сильный ход, чтобы отсрочить переход союзников в другой лагерь. На СКП Петра проинструктировали что и как делать, предоставили план перелета. Садиться они должны были через полчаса после приземления «основной» группы самолетов делегации. Там два «Си-47» и восемь «ГГ-3срв». Команду на взлет им передадут, как только будет принято решение на перелет. Сталин и члены его делегации, в компании с Петром, снялись возле трех машин, попозировали у загруженного бомболюка. Сделали общую фотографию с членами экипажей и летчиками сопровождения. После этого уселись в автомобили и выехали к своему поезду.

Через полтора суток «01» борт выпустил одну ракету, а через час после этого пришел сигнал, что встреча не состоялась, немецкая делегация на встречу не прибыла. Цель поражена буквально в нескольких метрах от границы по середине озера. Хорошо попали, так как в том месте – самые большие глубины, около 300 метров. Никому ничего не досталось. Официальная версия: взрыв неустановленного взрывного устройства. Взрыватель стоял мгновенного действия, фугасный, 250 килограммов разнесли катер в щепки. Жаль, конечно, что Даллес остался жив, да и черт с ним! Заговор против Гитлера сорвался, Штатам было нечего предъявить, а Черчилля жадность погубила: он настоял на том, что высадка будет произведена в Средиземноморье, плюс настаивал на том, чтобы мы повлияли на Турцию, чтобы она объявила войну Германии. Сталин, на словах, обещал похлопотать, но турки так и остались нейтральными.

Глава 9. Тегеран-43, в составе делегации, на новой машине

Наш прилет был большим шоком для всех присутствующих. Петр догнал нашу делегацию еще у Манджиля. В отличие от них, наш перелет был высотным, а высоту для «ГС-5» Петр подобрал оптимальную, по дальности им не было нужно цеплять подвесные баки. Петр обнаружил самолеты делегации и их прикрытие, как только они вышли из-за хребта, когда группа находилась еще над Арменией. Связался с ведущим, им оказался, судя по позывному, сам Голованов. Тот приказал истребителям близко не подходить, держать дистанцию в два километра. Петру разрешил подойти ближе, но держаться выше на 1000 метров. Такой этажеркой, уже удерживая скорость по «Си-47», подошли к Тегерану, пока они садились, успели дать круг над городом, сразу обратив на себя внимание. Затем сели в новеньком аэропорту Мехрабат. Заходили от речки, с запада-северо-запада. Слева-спереди – высочайший вулкан Азии, покрытый вечными снегами: Девовенд. Выглядит красиво, если не взлетать на восток и не разворачиваться на север. Город большой, но с очень узкими улочками. В первый же день произошла попытка покушения на Президента США. Если говорить более точно, то не на самого него, а на «подставную машину», которая направлялась в сторону посольства. Неизвестные люди блокировали дорогу гужевой повозкой и попытались приблизиться к охраняемой машине. Инцидент закончился перестрелкой. Дело заключалось в том, что советское и английское посольства в Тегеране находились рядом, через улицу, точнее, переулок. Забор в забор. А американское располагалось в 1,5 километрах от обоих площадок. Именно площадок! «Восток – дело тонкое, Петруха»! Наше посольство занимало, и занимает, целый квартал, огорожено со всех сторон и охраняется днем и ночью со времен гибели Грибоедова. По занимаемой территории оно самое большое в Тегеране: 108 тысяч квадратных метров. Страна у нас большая, и граничим мы с Персией давно, и на большом протяжении. Еще в царские времена, это место было выкуплено у местного шаха. Англичане появились тут позднее, они через Индию сюда добирались, у них участок в четыре-пять раз меньше. Они, вообще, прижимистые. Здания так же окружены сплошной стеной и вышками с пулеметами. В отличие от англичан, наше посольство оказалось менее забитым людьми, и Президенту США были выделены хорошие апартаменты, своя кухня и тому подобное. Для того, чтобы покушение, которое очень легко было организовать на этих узких улочках, не состоялось, Рузвельт принял приглашение Сталина разместиться у нас в Посольстве. К большому неудовольствию англичан! Дескать, нарушил единство западных Объединенных наций.

Но все это было позже! В момент «покушения» Президент и Премьер-министр находились в воздухе! Сталин сказал, что на этой машине он уже летал, и даже показал свою фотографию в правом кресле (фотомонтаж! в воздух он не поднимался, но сделано было два снимка с камеры, закрепленной в одном месте, одна в воздухе с пустым креслом, а вторая на земле. Кое-что в рекламе Сталин хорошо понимал!). Вопрос о том, как разместить Рузвельта рассматривался еще в Крыму. У нас в бомболюк вел люк из переходного герметического перехода. Сделан он специально, чтобы иметь возможность обслуживать подвешенные ракеты. Сам бомболюк был, по моему настоянию, герметизирован, вообще-то для перевозки атомных бомб, которых у нас еще не было, но зачем терять время и переделывать потом самолет, если и так ясно, что не любая техника любит морозы в минус 50–70 градусов за бортом. Тем более такая привередливая, как ракеты и бомбы с «умной начинкой». После того, как Сталин показал себя в кабине, оба лидера загорелись посидеть в «супер-самолете русских». Для вида замеры кресло-каталку Президента (хотя ее размер наши «специалисты» откуда-то знали до того). Петр раскрыл бомболюк, а бортинженер Кудрявцев поднял гермолюк. Два дюжих морских

пехотинца достали из машины охраны специальные веревки, которые у них, заметьте, были! Сверху у нас стояла электролебедка, с помощью которой Президента подняли в переходной отсек, и прикатили в пилотскую кабину. Черчиллю пришлось забираться туда как всем, по трапу. Рузвельта один из моряков перенес руками в правую «чашку», кресло осталось за кабиной. Черчилль занял место бортинженера. Попросили запустить двигатели, а потом пристали, как «банные листы» или дети: «Дяденька! Прокати!».

Согласовали вопрос со Сталиным, тот не возражал. Пришлось Черчиллю занимать место стрелка-бомбардира, то есть спускаться вниз и проходить в остекленный штурманский кокпит, а Рузвельт остался за второго пилота, потому что Петру одному эту громадину не поднять. Бортинженер на взлете – лицо крайне необходимое. Взлетели, набрали 2500 метров и скорость 950 километров в час. Сделали круг, показав им Каспийское море и 5604-метровый вулкан, и сели. Все, что требовалось, чтобы получить приглашение в Соединенные Штаты и в Великобританию, чего мы собственно и добивались! Реклама – двигатель торговли! Еще в воздухе Рузвельт по СПУ спросил меня о дальности. Так как вопрос был заранее согласован со Сталиным, то я ответил, а вот про скорость сказал, что машина новая, и испытаний на полную скорость еще не проходила. По плану через месяц будем знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.